

АЛЕКСАНДР
ПРОКУДИН

ВЗЛОМАТЬ
СТИХИЮ

*СЛУЧИЛОСЬ ИМЕННО ТО,
ВО ЧТО НИКТО НЕ МОГ ПОВЕРИТЬ*

Преступление в большом городе. Современный детектив

Александр Прокудин

Взломать стихию

«Автор»

2019

Прокудин А.

Взломать стихию / А. Прокудин — «Автор»,
2019 — (Преступление в большом городе. Современный детектив)

Еще вчера детектив Иван Черешнин был рядовым программистом-фрилансером, а сегодня он спасает Москву от очередного маньяка. Следы кровавых преступлений приводят его то в кабинет женского врача, то к популярному телеведущему, то в ПТУ, то в частный крематорий. Но догадаться, кем на самом деле окажется убийца, не может никто – это слишком невероятно! Одолеть безумного монстра можно только острым умом, бескорыстным самопожертвованием и большим (даже огромным!) везением. К счастью, герои, история которых начинается еще с книги «Взломать Шамана», этими качествами обладают.

© Прокудин А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Первая часть	5
Глава 1. Пролог. Роза	5
Глава 2. Агентство «Ф.Б.Р.»	8
Глава 3. Жители империи	12
Глава 4. Манин и Бочаров	16
Глава 5. Брифинг по маньяку	19
Глава 6. Чай на бегу	21
Глава 7. Одиночка Клара	23
Глава 8. Покушение	26
Глава 9. Кто?	30
Глава 10. 225-я	32
Глава 11. Декстер	35
Глава 12. Клара, Сопля и Валерики	39
Глава 13. Погоня за Валериком	45
Глава 14. Адвокат Генриетта	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Прокудин

Взломать стихию

Первая часть

Глава 1. Пролог. Роза

В свои 72 Роза Моисеевна все еще считала себя «поздним бутонем» – который рано или поздно кто-то, наконец уже, прилетит опылять. Во времена ее молодости многие шмели с трутнями порхали вокруг, но всегда улетали ни с чем: кроме шипов и насмешек от колкой Розы им ничего не доставалось. Бесцельно жужжать шмели быстро уставали и, встав на крыло, отваливали к более доступным тычинкам.

Роза Моисеевна давно пересмотрела свое отношение к мужскому полу – от былой разборчивости не осталось и следа. Увы, без следа также исчезло и то, на что слетались мужчины. «Бутон» давно миновал увядание и перешел в необратимую стадию гербария.

Но поздняя Роза присутствия духа не теряла. Она твердо надеялась, что когда-нибудь непременно найдется тот, кто срежет ее с опостылевшего куста и, приколов себе на мужественную грудь, будет бережно носить возле самого сердца, до конца счастливых дней.

«Хорошо бы кто-то похожий на Владимира Владимировича!» – Роза Моисеевна имела в виду Познера, своего многолетнего идола и кумира. Умного, интеллигентного, внимательного. И... чего там, сексуального!.. – Розе Моисеевне не были чужды самые смелые мысли о том, что до сих пор в ее жизни было только в фантазиях.

На ходу перебирая в памяти последний эфир телевизионного гуру (она помнила наизусть их все), Роза Моисеевна возвращалась из магазина, в котором всегда покупала кошачий корм. Тащиться через лесопарковую зону, конечно, не ближний свет – но качество! От любого другого корма у избалованной старой девой нежного зверя случалась ипохондрия – так казалось хозяйке. А любые виды хандры Розе были чужды как понятие.

Неожиданно лесопарковую тропинку преградила чья-то тяжелая, длинная тень.

– Добрый вечер! – произнесла общительная Роза, обернувшись в сторону ее источника.

Получать удовольствие от прогулок по кишасим муравьями, клещами и лесными клопами кустам может только ненормальный – считал засевавший в ельнике мужчина. И, в своем случае, был совершенно прав. Если бы не Голоса в голове, мужчина никогда бы не занялся тем, что сейчас делает. Убивать – вообще не его, если честно. Жизнь, во всех ее проявлениях, сумасшедший любил и уважал намного сильнее смерти.

«Ну вот, я так и знал!» – мужчине начало казаться, что по нему поползли насекомые.

Черт бы побрал эту раннюю весну! Зимой, когда вся эта сволочь еще не повылазила из своих куколок и коконов, выходить на охоту было куда приятнее – несмотря на мороз и сугробы. Какое же мерзкое ощущение! Пускай сейчас зачесалась только рука, но уже понятно, что через минуту зуд распространится дальше, по всему телу – зачесется в рукавах и штанинах, в подмышках и на поясице под свитером.

«В следующий раз, – дал себе слово маньяк, – буду поджидать их в подъезде или перелуке. К чертовой матери эту псевдоприроду – искусственные городские парки и прирученные «зеленые зоны». С ног до головы можно опрыскаться инсектицидами – какая-нибудь ползучая дрянь все равно запутается в волосах, пробежит по пальцам или, хуже того, проникнет за шиворот...»

Ну вот – отвлечься не получилось. Как и ожидалось, теперь у него зачесалось везде!
«И это в настолько важный момент – когда Двенадцатая уже должна быть здесь!».

Раздраженный маньяк поскреб правую голень возле заправленной в носок брючины, с трудом остановил себя и попробовал отвлечься еще раз:

«Плевать! Все это мелочи, учитывая, что на кону!».

Сумасшедший едва удержался, чтобы не захихикать в экстазе. Хорошо, что секрет знают только избранные – такие, как он. А то в парке было бы не протолкнуться от людей с надвинутыми на нос капюшонами и капающим сквозь карман хлороформом. За подобным счастьем ломанулись бы все, включая арахнофобов и лишайных чесоточников.

Надо только довести до конца План, продиктованный ему Голосами. Первую его часть он практически уже закончил и буквально на днях приступит ко второй.

«Скоро! Очень скоро! – сиял от приятных ему мыслей безумный. – Полгода, чуть больше, и – я свободен!».

Как всегда, при мыслях о Плане мужчина почувствовал прилив сил. Знакомое, не раз пережитое возбуждение вновь переполнило его – от подошв одетых в медицинские бахилы кроссовок до кончиков волосков на свихнувшейся макушке.

Что-то снова мерзко защекотало в районе воротника.

«Ненавижу!» – мужчина собрался скинуть капюшон, чтобы получить возможность почесать шею ближе к лопаткам.

Но тут увидел ее.

Двенадцатая шла по парковой тропинке – прямо навстречу его укрытию. Медлить было нельзя, возиться с капюшоном – тоже. «Приду домой, сожгу все шмотки к чертям собачьим!» – решил безумец и стремительно шагнул из ельника наперерез своей будущей жертве.

Высокий мужчина, которого увидела Роза Моисеевна, появился прямо из зарослей – немножко позади нее. Руки он держал в боковых карманах темной спортивной куртки, капюшон которой скрывал его обличие.

– Добрый вечер! – повернувшись, произнесла Роза дружелюбным старческим сопрано. – Метро ищите?

По одному лишь силуэту мужчины уже было видно – вопрос прозвучал для него неожиданно.

– Тут многие плутают, – продолжила Роза. – Станция – вон там! – она махнула рукой в нужном направлении. – Можете срезать через кусты, не заблудитесь.

Мужчина встряхнул головой, словно отгоняя лишние, мешающие ему мысли, и шагнул вперед. На ходу он вынул из левого кармана руку и почесал ею правое плечо и шею.

– Тихо говорю? – Роза подумала, что мужчина ее не расслышал, и сама сделала шаг ему навстречу. – Если через кусты! То быстрее! Минут пятнадцать и станция! Вон туда, поняли?

Мужчина вынул из кармана вторую руку – в ней был зажат кусок марлевой ткани, сложенной в несколько раз. Грубо схватив Розу Моисеевну за плечо, он накрыл ее рот и нос чем-то душистым – по-медицински пахучим.

От неожиданности пенсионерка и не подумала сопротивляться. Вжав голову в плечи, она просто замерла в руках нападавшего.

Выждав секунд десять, мужчина отнял от лица жертвы ладонь с марлей.

– Что вы делаете? – хрипло спросила изумленная Роза Моисеевна.

– Черт, выветрился... – буркнул маньяк, имея в виду хлороформ, «обновить» который перед нападением ему помешал приступ инсектофобии.

Так как вокруг было совершенно безлюдно, он решил пренебречь неудавшейся процедурой. Роза и в этот раз не успела понять, что происходит: на ее рот снова легла крепкая мужская

ладонь, уже без тряпки, ноги ее оторвались от земли и через несколько мгновений сухопарая старушка оказалась внутри грузового автомобиля – припаркованного рядом, в лесопарковых зарослях.

Лязгнули, захлопнувшись, большие задние двери.

Человек, чье лицо все еще было скрыто капюшоном, осветил пол кузова фонариком.

– Раздевайся! – грубо приказал он.

«Ничего себе! – с удивлением подумала Роза Моисеевна. – Все-таки?».

Глава 2. Агентство «Ф.Б.Р.»

Теплым августовским вечером в приемной детективного агентства «Ф.Б.Р.», расположенного на семнадцатом этаже одного из высотных деловых зданий Новой Москвы, сидела то ли молодая женщина, то ли старая девушка. За ярким внешним лоском и кричащими, безвкусными аксессуарами понять было трудно. Девушка-женщина обладала ногами с трассу «Москва – Кишинев» и плакала слезами с клюкву в сахаре. Ее можно было понять. Судя по рассказу, взбираясь по крутой и скользкой светской лестнице столицы, она остановилась в шаге от этажа, на котором живут те, кто с понятием «лестница» не знаком в принципе. Эту роль для них исполняют лимузины, вертолеты и паланкины с персональной охраной. И тут жизнь поставила подножку. Да еще какую!

– Если вы не найдете, хто обесчестил Земфиру, я не ручаюсь за то, шо сделаю!

Земфирой звали суперпородистую таксу молодой женщины, только что принесшую потомство. Которое «шокающая» и «хекающая» владелица рассчитывала конвертировать во входной билет в кулуары московского истеблишмента. Но, в разрез с ожиданиями, помет у таксы вышел не королевских кровей. Помимо выписанного из Дании чистокровнейшего кобеля, в зачатии щенков явно успел поучаствовать еще «хто-то». Владельца этого Фанфана-Тюльпана, сорвавшего сделку всей ее жизни, и пыталась найти зареванная девица. Ее вежливо выслушивал Иван Черешнин, номинальный глава агентства «Ф.Б.Р.» – молодой человек, в котором весьма трудно было предположить профессионального детектива, по крайней мере, по внешним признакам.

– Успокойтесь, – Иван подлил еще воды в стакан посетительницы, успевшей к тому времени выдуть уже литра полтора. – Как вы себе это представляете? Мы будем бегать по помойкам и брать у жучек на анализ ДНК? И даже если найдем – то, что?

– Он заплатит! Он мне за все заплатит! – недосветская дама сжала в руках пропитанную слезами салфетку так, что с нее закапало на пол. – На этих щенков в очереди стояли... – всхлипывая, дама начала перечислять имена жен московских олигархов, чиновников и светских львиц, самой затрапезной из которых была Ксения Собчак. – И шо я им скажу? Меня больше на порог никто не пустит! С этими уродами...

Иван еще раз посмотрел на фото новорожденных – на телефоне посетительницы. Как и раньше, ничего уродливого он не заметил – со снимка на него взирали жизнерадостные, симпатичные мордахи со смешными розовыми языками, с удовольствием позирующие фотографу.

– Я заплачу, скока скажете!

Этими словами посетительница попала в хронически больное место агентства «Ф.Б.Р.». Аббревиатура которого, кстати, не имела никакого отношения к известному федеральному бюро, являясь сочетанием первых букв имени, фамилии и отчества его первого владельца – детектива Филиппа Борисовича Раппопорта.

Кроме названия от бывшего хозяина агентству досталась его строптивая секретарша Клара, на равных паях принимавшая участие во всем, что касалось заказов. Двадцативосьмилетний же Иван Черешнин, в недавнем прошлом программист-фрилансер, буквально год назад еще и не помышлял становиться детективом. Но по прихоти судьбы именно он раскрыл несколько преступлений, о которых судачила вся Москва. (В том числе убийство того самого Филиппа). С Клариной подачи Иван согласился попробовать себя в качестве частного детектива. Тем более что свое первое дело – о грозном маньяке Заплаточнике¹ – в отличие от московской прокуратуры и полиции ему удалось раскрыть лихо. Платой за это, кстати, явился более чем солидный гонорар от отца одной из жертв.

¹ События книги «Взломать Шамана»

Но, увы, эти деньги быстро кончились. Доходы же от возрожденного детективного агентства, мягко говоря, оставляли желать лучшего. Из клиентской базы почившего Филиппа, которую Иван получил вместе с его компьютером, большинство контактов оказались неприменимыми к использованию. Кто-то не желал передавать свое дело непонятно кому, вчерашнему программисту. У кого-то с течением времени просто отпал вопрос, по которому он обращался в агентство. А оставшиеся клиенты, в основном, просили об одном и том же – шпионить за их вторыми половинами. Что у Ивана, во-первых, совершенно не получалось: шпионил он так, что было видно за версту, а, во-вторых, после головокружительного успеха с маньяком, Черешнин нафантазировал себе карьеру сыщика, раскрывающего исключительно «настоящие преступления». Если не с убийствами, то, по крайней мере, с похищением бриллиантов и покушениями на президентов. На худой конец – с загадочными исчезновениями из запертой комнаты.

А тут – обесчещенная Земфира!

– Сколько? – не то провыла, не то рявкнула еще раз заплаканная клиентка.

– Первый прием по стандартной таксе, – сказал Иван, и осекся, наткнувшись на взгляд посетительницы.

– Вы специально? – ужаснулась она. – «По таксе»? «По таксе»?

– Он имел в виду «по тарифу», – быстро ответила за Ивана Клара.

Как и Иван Черешнин, Клара испытывала острую нехватку денег и не собиралась жертвовать ни единым шансом поправить ситуацию. Часто гораздо более решительная, чем собственный шеф, и настолько же менее щепетильная, секретарша бойко перехватила инициативу.

– По тарифу. Сто пятьдесят евро в день. А дальше – в зависимости от сложности и вовлечения ресурсов. Чем больше людей будет этого кобеля искать, тем больше шансов на успех, верно?

На словах про «ресурсы» Клара бросила взгляд на еще одного сотрудника детективного агентства «Ф.Б.Р.», тоже находившегося в приемной. Рыжего жлоба в спортивном костюме звали Василием Ложкиным, и, в принципе, он состоял в штате по дружбе. Не так давно ему нужно было решить какие-то вопросы с налоговой, и Иван не смог отказать Ложкину в «официальном» оформлении на работу. Помимо того, что Василий был его соседом по дому, в деле с поимкой маньяка он принимал такое же непосредственное участие, как и Клара. Все это установило довольно странные отношения между бывшим программистом, бывшей секретаршей детектива и бывшим гопником (Василий был именно им). К слову, насколько он был «бывшим»: на этот счет у Ивана и Клары постоянно возникали сомнения. Ложкин жил темной жизнью – постоянно принимая звонки от абонентов типа «Сиплый», «Сопля» и «Гребень» и выходя в коридор, чтобы не говорить с ними при свидетелях. О чем они там «терли» и что решали, Иван с Кларой не знали и знать не хотели – чтобы не расстраиваться.

– А в чем проблема, я не пойму? – откликнулся Василий на Кларин взгляд.

– В том, шо послезавтра жена второго заместителя начальника подотдела департамента по благоустройству ЮЗАО должна получить щенка от Эриха-Карла-Франциска-Мигеля-Эммануэля и моей Земфирочки!

Проникнувшись продолжительностью обеих регалий, Иван, Клара и Василий уважительно кивнули.

– А у меня только вот эти... чудовища! Сделайте же шо-нибудь, я вас умоляю!

И девушка выдала такой фонтан «клюквы в сахаре», что ковер под ее ногами захлюпал.

Опасаясь за возможное обезвоживание, Иван снова подлил в стакан клиентки воды. Клара закусила губу, пытаясь придумать, как не упустить деньги.

Неожиданно Василий снова подал голос:

– А если купить в другом месте породистых и передарить?

– А бумаги? Нужна ж родословная! – через прижатую к носу салфетку ответила клиентка. – Кто подтвердит, шо они чистокровные?

Рыжий веснушчатый Васька фыркнул – словно нанюхавшийся пыли спаниель.

– О бумагах вообще не беспокойтесь. Покажите, какие надо?

В ложкинском прошлом и, как справедливо подозревали Иван с Кларой, скорей всего, и в настоящем, было множество неправомερных поступков. Подделка документов, судя по всему, к ним тоже относилась.

– Легкотня! – резюмировал Ложкин, быстрым взглядом окинув показанные хозяйкой Земфиры образцы. – Завтра будут. А вы пока «запасных» собачек найдите. Хотя, честно говоря, мне и эти нравятся.

Заплаканная посетительница смотрела на Ложкина как на мессию, сотворившего порочное вино из паленой «бонаквы».

– Подождите, – замотал головой принципиальный Иван. – Это... не совсем законно! Мы так не можем...

– Сколько? – игнорируя Ивана, хозяйка Земфиры повернулась к Кларе, раскрывая одновременно дорогой кожаный клатч, из чьей гламурной пасти тут же выглянул пухленький веер стоевровых банкнот.

– Тройная т... м-м-м... оплата! Мы ведь рискуем, – ответила Клара, не теряя на размышления ни секунды.

– Конечно! – с готовностью согласилась клиентка и вытянула из клатча примерно половину веера.

– Это за прием, – Клара почесала нос. – За документы и остальное, отдельно.

– Без вопросов! – ответила посетительница. – А сколько доплатить, чтобы вы разобрались с... – она показала на фото щенков-«бастардов».

– В смысле? – не понял Иван.

– Ну шо, я их у себя держать буду? Смеетесь? Есть же какие-то службы? По усыплению там или еще как-то...

– Нет! – Иван повысил голос и даже поднялся. – Об этом не может быть и речи. За кого вы нас...

– Еще тысяча, – уверенно сказала Клара. – Пятьсот. Тысяча пятьсот.

Шеф детективного агентства потерял дар речи.

– Договорились! – поднявшись с диванчика для посетителей, хозяйка Земфиры сунула Кларе в руку остаток веера. – Здесь с запасом. Завтра заеду за документами. А уродов завезет шофер.

Василий пошел проводить клиентку до лифта, по пути договариваясь с ней о деталях предстоящей фальсификации.

– Ты что?! Ты с ума сошла? – накинулся на Клару Иван, как только за посетительницей закрылась дверь.

– Спокойно, – невозмутимо отразила выпад секретарша. – У меня сестра приютами занимается. Ей сдадим. За неделю по рукам разойдутся – такие симпатяги. А шо ты предлагаешь? Нам нужно и за аренду платить и жить на что-то. И остальную мою ситуацию ты знаешь.

Иван в который раз подумал, что надо бы серьезно рассмотреть вариант, в котором он посылает к чертовой матери всех манипулирующих им работодателей и возвращается к пусть еще более небогачому, но значительно более свободному в плане поступков, компьютерному фрилансу.

Но вслух сказал другое:

– Знаю. У нас у всех ситуации.

После быстрого дележа денег Черешнин направился к стойке-вешалке у входных дверей и снял с нее свою куртку. Больше находиться в агентстве ему не хотелось.

– Поехал следить за очередной неверной женой, – буркнул он, одеваясь. – Обратнo не вернусь, сразу домой.

– Правильно, – прокомментировала Клара, с довольным видом пересчитывающая купюры. – За собственной женой тоже нужно следить.

Клара имела в виду Гуляру Черешнину – супругу Ивана, на которой он женился несколько месяцев назад. По профессии Гуляра являлась Ивану почти коллегой – работала в прокуратуре, помощницей следователя. Именно дело Заплаточника, или Шамана, как еще называли обезвреженного Черешниным маньяка, свело их вместе, заставив пережить как совершенно жуткие, так и полные любви моменты. Девушкой, которую Ивану ценой невероятных усилий удалось спасти от серийного убийцы, была его будущая жена – Гуляра.

Наблюдая за тем, как шеф «собирается на дело», Клара не удержалась от ироничного замечания:

– Смотри, чтобы снова не спалили.

– А пусть палят, – буркнул на это начальник. – Ненавижу все, что делается втихаря.

Несмотря на полученные деньги, настроение у детектива Ивана Черешнина было даже хуже, чем тогда, когда их еще не было.

Глава 3. Жители империи

Когда в квартире Беринзон-Шлиппе ругались, соседи этого не замечали. Думали, обсуждают книгу или театр.

– Я бессребреник! – кричал оскорбленный в лучших чувствах Беринзон.

– Ты бесприданница! – наносила новое оскорбление Шлиппе.

В этой семье матерились словами «оксюморон» и «паноптикум», а поджатые губы значили то же самое, что у нормальных людей «я тебя прикончу, тварь, прямо сейчас, самым кровавым из всех возможных способов!»

Через стенку от них жили те самые «нормальные люди» – по фамилии Брыкун. Антиподы Беринзон-Шлиппе, вряд ли знающие значение слова «антиподы». Папаша Брыкун мог гаркнуть на человека так, что серная пробка из его левого уха оказывалась в правом, а все остальные органы перемешивались в анатомический винегрет. Серьезной причины для этого, причем, не требовалось: так Брыкун мог попросить передать за столом соль, например.

Советский период причудливо перемешал социальные слои советских граждан. Замки аристократов и трущобы чернорабочих сменили трущобы аристократов и чернорабочих. Бесконфликтным такое соседство быть не могло в принципе. Если вы пробовали прижать друг к другу магниты одинаковыми полюсами, то понимаете, что это значит. Тонкая перегородка общей кухонной стены с ролью нейтральной полосы справлялась плохо. К тому же ее постоянно пробивал насквозь Жора Брыкун – по приказу жены вешавший очередные крючки для ее полотенец, поварешек и прочей кухонной утвари.

Благодаря этим факторам, дыркам в стене и громким голосам соседей, Беринзон-Шлиппе в деталях знали, какими словами их обсуждают. В отдельные моменты дипломированный филолог Елизавета Шлиппе всерьез задумывалась: а не взяться ли за вторую докторскую? Не добавить ли к англосаксонской поэзии тему современного городского фольклора? Делов-то: постучать в стену с просьбой вести себя потише, а затем приставить к любому из отверстий диктофон. Поток материала могло вынести на один уровень с Бахтиным и Фортунатовым.

Беринзоны отвечали Брыкунам на свой манер. Второго августа, например, поздравляли служившего Георгия «с днем девиантника». И получали немислимое удовольствие от его искреннего: «Спасибо, соседи! Приятно! Можете же, как люди, оказывается...».

Но там, где невозможно сойтись скалам, могут договориться скатившиеся с них камни. В лучших традициях шекспировских страстей, преподаваемых Елизаветой Викторовной в Московском педагогическом, Марина, единственная дочка Брыкунов, накрепко сошлась с Альбертом Берензоном-Шлиппе-младшим. Втайне от родителей бегая друг к другу на свиданки, раменские Ромео и Джульетта долго водили за нос оба почтенных семейства. А по достижении совершеннолетия тут же приняли решение: немедленно пожениться друг на друге, пока чего-нибудь не случилось.

О чем и сообщили родным.

Поставленные перед фактом, обе фамилии сошлись лишь в одном: такой брак был позором.

«Мезальянс!» – шептались у Беринзонов.

«Говно собачье!» – орали у Брыкунов, имея в виду то же самое.

Но любовь, как известно, зла ко всем одинаково, так что свадьбу пришлось сыграть.

Она прошла весело.

«За ихнее счастье!» – тосты своих новых родственников Шлиппе запивали водкой, морщась перед рюмкой, а не после.

«Возможно, преамбуле не хватает лапидарности...» – сокрушался по поводу длительности своего тоста дядя Беринзонов, и остаток вечера провел в извинениях за фонетическую двоякость «лапидарности».

Как бы там ни было, а результатом обоюдного мезальянса стала освободившаяся «однушка» Брыкунов, в которой до этого проживала невеста. После того, как молодожены съехали на большую площадь, подальше ото всех родителей, ее было решено сдавать.

Тамара Николаевна Брыкун риелторским бизнесом промышляла не первый день, поэтому, как распорядиться квартирой, знала точно. Так она и появилась в жизни Ивана и Гуляры, решивших, не дожидаясь разжижения мозга, съехать от такого соседа, как Василий Ложкин. Помимо того, что он в принципе был человеком беспокойным, Василий к тому же имел жуткое хобби – русский рэп. Слушал он свое хобби на полную громкость (что с трудом, но еще можно было бы пережить), но также пробовал писать и свою собственную «музыку улиц». Что как раз туда и вызывало желание перебраться.

Воспользовавшись в очередной раз связями матери Ивана, Тамары Владимировны, знакомой со всеми «деловыми людьми» в Москве, молодая семья вышла на Тамару Николаевну и переехала в квартиру ее непокорной дочери.

«Лучшее – враг хорошего!». Спустя месяц эту фразу Иван не поспешил бы отлить в золоте и носить на собственном лбу, чтобы постоянно видеть ее в зеркале и других отражающих поверхностях.

Тамара Николаевна относилась к недвижимости как к собственной империи, в законах развития которых, как известно, заложены стремления расширяться, завоевывать и поработать, не страшась самых жестоких методов. С этим Тамара Николаевна справлялась блестяще. В качестве формы правления она предпочитала тиранию, о чем жильцы, снимающие у нее квартиры и комнаты, узнавали в первые минуты знакомства.

– Ключи у меня свои. Приходить буду без звонка, – предупредила императрица-тиран. – За все сломанное платите по прейскуранту.

Имперский прейскурант Тамары Николаевны включал в себя без малого 600 пунктов, в которые входили все неодушевленные предметы жилища.

– «Лампочки – по 50 рублей»... – вникал в договор Иван. – Тарелки по сотне... Вилка – 800? А вилка-то чего такая дорогая?

– Потому что единственная, – с легким недоумением пояснила квартирная владелица.

Сцилла-Василий Ложкин и Харибда-Тамара Брыкун. Огонь и полымя. К сожалению, обратный ход давать было поздно (и не выгодно – мать Ивана уже оплатила первый и последний месяцы). Чужа недоброе, молодожены согласились на неведомое.

Ради справедливости надо отметить, что сложный характер квартирной хозяйки компенсировала цена за проживание. Она была относительно невелика. Но и с ней еще надо было справиться.

Из задолжавших жильцов Тамара Николаевна вытягивала деньги разными методами. Как зубной тянет зуб. Как старатель вымывает породу. Как вода точит камень и так далее. В зависимости от настроения и того, насколько ей был неприятен конкретный квартиросъемщик. К Ивану Тамара Николаевна применяла метод «неделикатной стирки»: выжав все возможное, она уходила, оставляла его в квартирном коридоре безвольной тряпкой в катышках.

Тем не менее и этот способ в последнее время перестал давать результаты. Иван был должен за квартиру за три месяца. И Гуляра, разумеется, вместе с ним. Не зная жалости ни к одному из неплатёжеспособных организмов во всей природе, Тамара и в этом случае исключений делать не собиралась. Наоборот, неожиданно применила к Черешниним нечто новое в своей и так богатой на фантазию практике.

Молодые супруги, только вернувшиеся со своих работ, сидели за легким ужином, собираясь делиться событиями прошедшего дня. Но не успели – во входной двери бесцеремонно залезгли ключи. Никто кроме хозяйки это быть не мог, к этому они уже привыкли.

– Здравствуйте, Тамара Николаевна! – крикнул Иван в сторону коридора, еще не видя, кто пришел, как только входная дверь отворилась.

Тамара возилась в коридоре, не здороваясь, переобуваясь в свои персональные тапочки, надевать которые дозволялось только ей, и появилась в дверном проеме спустя полминуты.

Взгляд Тамары Николаевны, больше похожий на ищущий цель ствол танковой пушки, прошелся по комнате, заставляя ужаться в размерах все живое.

Иван и Гуляра сидели по стойке «смирно». Гуляра, несмотря на теплый летний вечер, набросила на себя просторное газовое парео, оставляющее на виду только голову с шеей и кисти рук. На это были свои причины – весьма веские, прописанные в договоре и прейскуранте.

– Деньги готовы? – без улыбки задала вопрос хозяйка, закончив танковую разведку.

– Большая часть! – Иван вскочил, суетясь, достал из кармана джинсов несколько пяти-тысячных купюр и протянул их квартирной хозяйке.

– Ага... – Тамара не взяла в руки деньги. – Я так и думала.

Танк развернулся и снова ненадолго исчез в коридорной пасти. Обрато он вернулся с большим пластмассовым контейнером темно-зеленого цвета. Держа его за широкую, прикрепленную к верхней части, ручку, Тамара Николаевна шагнула в комнату и поставила контейнер на стол.

Иван напряг извилины и понял, что видит перед собой кошачью переноску.

– Вот. Будет у вас жить, – безапелляционно заявила владелица квартиры, подтверждая догадку детектива.

Ошеломленные молодожены заглянули в дырочки переноски и увидели там нечто рыжее, глазастое, перепуганно-усатое.

– Как жить? Подождите!.. – всполошился Иван.

– Ждала, сколько могла, голубчик. Договор почитай. Деньги где? Ну, вот и не возникай, это я еще вам навстречу иду, – Тамара заняла позицию «руки в боки», из которой, по опыту, могла отражать любые атаки любого противника – вечно.

– Навстречу?... А вдруг... а может... у меня аллергия? – искал «соломинку» Иван.

– У тебя «может», а у меня совершенно точно. На долги по квартплате, – Тамара уселась за стол и взяла из фруктовой вазочки яблоко. – Ничего, поживете втроем. Тем более других вариантов нет.

Гуляра вместо того, чтобы поддержать супруга, почему-то прыснула. Кошачья переноска, обескураженный Иван, беспощадная наглость квартирной хозяйки – все это вместе было довольно забавно.

– Это соседкин. Пропала старуха, несколько месяцев никто не видел. Дверь взломали, думали, в квартире потихоньку преставилась, – Тамара перекрестилась рукой с яблоком. – Но нет. Там этот только. Засрал все. Короче! – она с хрустом откусила от яблока добрый кусок и дальше говорила сквозь него. – У меня со старухой был договор. Пять лет назад она нам свою квартиру продала, а потом ее же на эти деньги у нас снимала. Ну, не важно. В общем, пока я ее халупу в предпродажный порядок привожу, это – ваш жилец.

– А родственники какие-то не нашлись? Им бы отдали? – задала вопрос Гуляра.

– Родственников нет, это я давно знаю. Сейчас ищут для порядка, но....

– А потом? – спросил Иван.

– Суп с котом! Заплатите сначала, потом вместе «попотомкаем». Я еще за тарелки с вас спрошу.

Гуляра прикусила язык – действительно, она била посуду, которой и так было немного, регулярно. Без скандалов, по неуклюжести.

Ивану же, чей день начался с собак, а заканчивался котами, никак не приходило в голову, что еще он бы мог возразить. Почти все деньги, полученные от хозяйки Земфиры, ушли на аренду офиса. Из оставшихся большую часть забрала себе Клара – ей срочно требовалось по личным обстоятельствам. Так что крыть было нечем.

– Как его хоть величать-то? – спросил он с плохо скрытой досадой.

– Без понятия. По-еврейски как-нибудь. Хозяйку Розой Моисеевной звали, – ответила Тамара.

– Может, найдется еще? Со старичками так бывает – память отказала, ходит где-нибудь... – робко предположил сдающийся Черешнин.

– Ну, ты ж частный детектив, мне мама твоя говорила? Ну, вот и найди сам! – Тамара Николаевна смерила Ивана взглядом, в котором читалось что угодно, кроме уважения. Покачала головой, вздохнула и перевела внимание на Гуляру. – Мужики... Чего только не придумают, лишь бы бабе на шею сесть.

– Что? Это не так... – возмутился Иван.

Тамара играючи заткнула его насмешкой:

– Детектив! Щас сдохну!

И пока Черешнин, пыхтя, подбирал ответные слова, успела выйти в коридор и попрощаться.

– Там в коридоре жратва ему и песок, куда гадить, – дала она последние указания. – Бывайте. Будут деньги, семафорьте. Прибегу. Пошла.

Как только за «танком» захлопнулась дверь, татарская красавица Гуляра, похожая, если не на императрицу, то, как минимум, на принцессу из восточных сказок, попыталась утешить кипящего беспомощным негодованием мужа.

– Да ладно тебе. Вот такая она, что поделаешь, – погладила она по руке супруга. – Это же смешно.

– Да я понимаю, – ответил Черешнин, через силу приходя в себя. – Просто как-то давно мы уже в этой яме барахтаемся. И никак. А теперь и этот еще... – Иван кивнул в сторону переноски с безмянным котом. – На работе у тебя хоть все хорошо? Есть приятные новости?

– У меня-то? Полно! – рассмеялась Гуляра. – Новый маньяк в Москве появился. Подойдет?

Глава 4. Манин и Бочаров

Курировать дело нового столичного маньяка поручили «блестящему профессионалу с внушающим доверие опытом» – Алексею Николаевичу Манину – исполнилось которому при этом едва за тридцать. Но кого в России можно удивить карьерными взлетами «талантливой молодежи», основные таланты которых заключались в породистых родословных? Так было и в случае с Алексеем – сыном генерал-майора юстиции МВД Николая Сергеевича Манина.

Яблоня, с ветки которой сорвался фрукт, называемый ныне Маниным-младшим, определенно росла на пригорке с крутыми склонами. Упало яблочко, может, и рядом, но укатилось – ох как далеко! Расстояние в трудолюбии, обязательности, да и обыкновенной бытовой порядочности между отцом-генералом и сыном-сыном генерала было галактическим.

Манин-старший относился к генералам полу-боевого полу-кабинетного типа, добившись своих регалий приемлемо достойным путем. Кое-где помогли связи, не без этого, но и честная добросовестная служба тоже присутствовала. Сыну же Николая Сергеевича, Манину-младшему было достаточно первой части этого карьерного уравнения. Имя папаши распахиало перед ним большинство дверей, а личный звонок отца отпирал те, что по какой-то причине не открылись на имя.

Такое положение вещей неминуемо отразилось на общем отношении Алексея к жизни, приятно наполненной с самого детства легкими деньгами и большими возможностями. В компании других представителей московской «золотой молодежи» Манин проводил гораздо больше времени, чем за учебниками и, позже, в московской прокуратуре – на престижной и перспективной должности, организованной для него отцом.

Теперь, однако, наступили новые времена. Раскрывавшиеся одна за другой двери привели к той, где подобная магия уже не действовала. Здесь уже требовалось хоть как-то проявить себя самостоятельно. Иначе о мечте – генеральной прокуратуре, с перспективой когда-нибудь ее возглавить – можно было и не помышлять. Об этом генерал-майор и заявил как-то сыну – после его очередного загула, отловив его с проститутками на квартире и всыпав ему прямо при них по первое число, как малолетку.

По плану отца, дело должно было сдвинуться с мертвой точки еще год назад, когда он выбил сыну прекрасную возможность показать себя на сверхрезонансном деле – поимке маньяка, терзавшего столицу и Подмоскovie в течение нескольких лет².

Но в тот раз события развились таким образом, что роль Манина-младшего в них оказалась скорее отрицательной. Хоть Заплаточник и был в итоге уничтожен, а его последняя жертва спасена, как выяснилось, преступник все это время находился под самым носом у Манина – и неоднократно использовал его, чтобы морочить следствие. Даже при наличии отца-генерала это могло привести к серьезной карьерной катастрофе.

Используя все правды и неправды, начальственное око удалось сместить в сторону, откуда Алексей выглядел не обманутым и некомпетентным – как было на самом деле – а даже едва ли не героем, «лично обезвредившим опаснейшего врага в собственных рядах». Лавры, по праву принадлежащие Ивану, Кларе, Ложкину, а также чудом оставшимся в живых Гуляре и капитану спецназа Владимиру Ляшкину, также принимавшему участие в поимке маньяка, единолично достались мажору Манину.

Но радовался отец-генерал рано. Вместо того, чтобы развить успех, со страха и от ревности к тем, кто на самом деле раскрыл преступление, Манин-младший начал пить – и не только пить, разумеется, это же Москва! Причем в количествах, которых не позволял себе даже в золотые годы еще нетронутой печени. Дело закончилось белейшей из возможных горячек,

² События книги «Взломать Шамана».

прямо на рабочем месте. Вряд ли московская прокуратура вспомнит кого-то еще, носящегося нагишом по служебным коридорами и с воплями стреляющего из табельного оружия по засевающим в электрических лампочках бесам.

Вопреки ожиданиям, этот карьерный этап закончился для Алексея не генпрокуратурой, а загородной лечебницей, куда генерал отвез сына лично.

К счастью, из больницы Манин вышел абсолютно другим человеком. Медики совершили настоящее чудо! Недавний прожигатель жизни более не прикасался ни к спиртному, ни к травке, ни к таблеткам, ни к особенно им почитаемому московскому кокаину. Правда, вместе с отвращением к порокам Манин привез из профилактория еще и пару нервных тиков. Но это уже были мелочи. Привычки одергивать рукава одежды и ежиться, словно черепаха, пытающаяся по брови втянуть в туловище голову, со стороны выглядели странно, но были точно не хуже постоянного перегара и шмыганья сопливым перекокаиненным носом, по которым Манина все знали до этого.

К несчастью, в полной мере этим переменам отец-генерал порадоваться не успел. Николай Сергеевич умер спустя неделю после возвращения сына, схватив третий и последний инфаркт, с которым сердцу полчиновника-полусолдата справиться уже не получилось. Поздний и единственный ребенок в семье Леша Манин стал, таким образом, полусиротой. У него оставалась еще мать, но, увы, при этом тоже тяжелобольная, несколько лет назад помещенная отцом в один из лучших ведомственных санаториев. Забота о ней теперь лежала целиком на Алексее.

После похорон отца Манин изменился еще сильнее, и прежде всего это заметили его коллеги. Он избавился от раздражительных барских нотаций, которыми прежде любил изводить подчиненных. Научился держать недовольство в себе, говорил мало и только о работе. Много времени проводил с больной матерью. Другими словами, исполнил мечту покойного отца: повзрослел и остепенился. Что, в совокупности с прошлыми заслугами по делу Заплаточника-Шамана и влиянию оставшихся от отца связей, произвело необходимый эффект. Курировать новое статусное дело снова поручили ему. Генеральная прокуратура вновь подмигивала Алексею Николаевичу, маня Манина-младшего распахнутыми в саму себя дверями. Стоило всего лишь не оплошать и в этот раз.

Небольшой зал для заседаний в центральной московской прокуратуре был заполнен примерно на три четверти. В президиуме сидел сам Манин и несколько высоких прокурорских чинов. Все остальные – следователи и оперативники – расположились на стульях перед ними, держа на коленях раскрытые для служебных пометок блокноты.

Присутствовала тут и Гуляра, по-прежнему работающая в должности помощницы старшего следователя – но только без следователя. Нового начальника взамен «утраченного» в ходе дела Шамана ей так и не назначили.

Гуляра постаралась сесть так, чтобы не мозолить глаза Манину. Они недолюбливали друг друга – искренне, давно и взаимно – и девушке не хотелось лишний раз дразнить его мстительную натуру. В памяти жил неприятный эпизод³ годовой давности, когда их встреча наедине закончилась служебным эксцессом. А именно – ударом гуляриного колена по манинскому паху и последовавшими за этим угрозами разрушить ее карьеру.

Надо сказать, что впоследствии Алексей Николаевич их так и не осуществил. Может, побоялся – после всего внимания, которое досталось Гуляре, как жертве чуть не упущенного им Заплаточника. Может, позабыл, погрузившись в алкогольно-седативный трип. Может, ему даже стало стыдно – кто знает? О переменам в прокурорской личности после лечения Гуляра была мало осведомлена – она его помнила таким, каким он был прежде: трусливым, похотливым, завистливым и не особенно умным «папенькиным сынком».

³ События книги «Взломать Шамана».

Брифинг по новому маньяку поднявшийся из президиума Манин начал со слов:

– Позвольте представить нашего нового сотрудника. Он вел дело до передачи его нам в прокуратуру и продолжит заниматься им здесь. Старший следователь по особо важным делам Андрей Николаевич Бочаров, познакомьтесь.

Из первого ряда встал полноватый, аккуратно причесанный человек, лет сорока пяти, в тонком трикотажном свитере поверх рубашки с галстуком. Лицо его было выбрито до розовых пятен на щеках, украшали его округлую физиономию пухлые красноватые губы и рязанский картофельный нос. Сверху приплюснутую картошку венчали очки (в далеко не модной оправе) с толстыми стеклами, свидетельствующими о явных проблемах со зрением их хозяина. На ногах у мужчины, в некотором диссонансе со свитером и галстуком, были беговые кроссовки. Под мышкой Бочаров держал казенную картонную папку – видимо, с материалами дела.

– Андрей Николаевич, введите нас в курс событий, пожалуйста, – попросил Манин.

Следователь вышел вперед, занял место чуть в стороне от президиума, раскрыл свою папку и приступил к ознакомлению всех присутствующих с ее страшным содержанием.

Глава 5. Брифинг по маньяку

В любом мегаполисе мира люди пропадают постоянно – такова жизнь многомиллионных муравейников. Московская статистика по «исчезнувшим без вести» печально неутешительна. За год в столице пропадает более пяти тысяч человек (почти треть из них дети), а в одновременном розыске числятся около сотни тысяч душ – суммированных за последние годы.

Причины исчезновений разные – разумеется, не всегда криминальные. Зачастую, отчаявшись найти себя в большом городе, не предупредив никого, люди пытаются устроить свои судьбы где-то еще, в другой части света, уезжая от накопленных на старом месте проблем. Это – в лучшем случае. В худшем с ними происходит то, о чем на брифинге рассказывал Бочаров.

В конце июня житель небольшого подмосковного городка сделал страшную находку: обнаружил три женских тела, утопленных в местном озере.

– По мнению экспертов, смерть наступила около двух, двух с половиной месяцев назад. Ориентировочно, в конце марта, – рассказывал Бочаров, подглядывая детали в папке. – Смерть всех жертв, при этом, наступила или одновременно, или в скором времени друг за другом.

Двух женщин удалось опознать по приметам. Как оказалось, они уже были заявлены в розыск.

– И, что интересно, с интервалом в два месяца, – специально отметил докладчик. – То есть, как минимум одну жертву не менее нескольких месяцев держали в плену живой. И только когда их собралось трое, преступник принял решение избавиться от всех сразу.

В пользу того, что жертвы содержались вместе, говорило и идентичное содержимое их желудков.

– Всех трех кормили одним и тем же, – пояснил Бочаров. – Как надзиратель кормит в тюрьме пленников.

В целом же, пока расследование было на самой начальной стадии, без какого-либо значимого продвижения в установлении истины. Загадок было куда больше, чем установленных фактов.

– Никакой связи между жертвами не обнаружено, – продолжал докладчик. – Те, чьи личности идентифицированы, пропали в разное время, из разных районов Москвы, между собой знакомы маловероятно. Если резюмировать по фактам: некто совершил их похищение, держал в заточении в неизвестном нам месте, а затем убил. Что позволяет классифицировать его как серийного, маниакальной направленности убийцу и передать дело, как особо важное, на контроль центральной прокуратуре.

– Что насчет сексуального насилия? – задал вопрос один из оперативников.

– На данный момент выясняется, – ответил Бочаров. – Тела пролежали в воде долго. Да к тому же сами знаете, сколько ждать очереди на экспертизу. Запрос был оформлен еще в июне, прошло больше месяца...

– Ну, теперь будет быстро, раз дело у нас на контроле, – вмешался со своим словом Манин. – Извините. Продолжайте.

– То, что смерть наступила в марте, позволяет предположить, что у произошедшего могут быть свидетели, – продолжил Андрей Бочаров. – Поясню. Лед на озерах и подмосковных реках лежит до конца апреля. Это минимум. Чтобы опустить тела под воду, преступнику была необходима полынья или прорубь. Предлагаю еще раз опросить местных. Из тех, кто рыбачит. Могли что-то видеть.

Оперативники закивали, подтверждая принятое поручение. Какое-то время ушло на распределение зон ответственности между следственными группами. Кого-то бросили на сбор данных по жертвам, кого-то на поиск свидетелей. Еще одна часть занялась профилактическим прочесыванием картотеки – с уже замеченными в насилии уголовными персонажами. В общем,

работы хватило всем. Кроме, как она и ожидала, Гуляры. Внутри себя она уже твердо решила: после брифинга поговорить с откровенно игнорирующим ее начальством. Пусть ей скажут к какой группе примкнуть и чем заняться, или прямо объяснят, почему в ее услугах московская прокуратура больше не нуждается.

Но этого не потребовалось.

– Все данные прямиком Андрею Николаевичу, как руководителю следственных действий. И, разумеется, мне, как главе расследования, – отметил Манин. – И еще... Маматова?

– Я здесь, – Гуляра Черешнина поднялась, услышав свой девичью фамилию.

– Вы теперь работаете с Бочаровым. Лично, в его полном распоряжении. Всем спасибо, жду результатов.

Зал зашумел, забубнили голоса следователей, затрубили, цепляя ножками паркет, отодвигаемые стулья. Не глядя на Гуляру, ее новый начальник собирал в папку бумаги. Закончив, он, близоруко прищурившись, осмотрел уже полупустой зал и не без труда нашел в нем ожидающую его помощницу.

– Будем знакомы, – подойдя, протянул он руку для рукопожатия. – Андрей. Покажете, где тут у вас что?

Глава 6. Чай на бегу

Как скоро стало известно всей прокуратуре, в жизни Андрея Николаевича Бочарова были две настоящие страсти.

Первой являлся чай. Мало кто из мужчин посвящал себя жидкостям, не содержащим в себе ни капли алкоголя, Андрей Николаевич был одним из них. Все, что об этом напитке, так или иначе, было задокументировано, он знал наизусть. Чтобы найти незнакомый Бочарову факт о чае, надо было снаряжать экспедицию в Китай, предпочтительно древний – 2737-го года до нашей эры. Именно тогда, по преданию, в походный котел китайского императора Шэнь-нуня ветер занес несколько случайных листков чайного дерева. С тех пор император других напитков не пил, его примеру следовал и Бочаров.

– По другому мифу, чай – это ресницы Бодхихармы, – закончив с первой версией, Андрей Николаевич всегда рассказывал вторую. – Он рассердился на них за то, что заснул во время медитации. Поэтому, когда проснулся, в гневе отрезал ресницы вместе с веками и бросил оземь. На следующий день там вырос чайный куст, чьи листья, как оказалось, прогоняют сон.

«Чайхона номер 02» – так быстро стали называть кабинет Бочарова в прокуратуре, и он не обижался, это ему даже льстило. А вот кличка «Самовар» (на который он, кстати, румяный, осанистый и полноватый, был довольно похож), к удивлению, не прижилась – возможно, из-за неприятно проглядывающей фамильярности. Бочарову дали прозвище по инициалам – АНБ. И вот оно отчего-то приклеилось к нему сразу, хотя ничего общего между его носителем и американским Агентством национальной безопасности не было вовсе.

Полученные теоретические знания АНБ всегда старался подкрепить практикой. Ему недостаточно было просто знать, что в Англии чай заваривают с яичными желтками и кипящими сливками, ему необходимо было изготовить «кастард» самому. Мало было удивляться тибетским кочевникам, пьющим чай с топленным маслом яка – Бочаров умудрился раздобыть это масло в Москве и, взбив его с солью в крепко заваренном на овечьем молоке зеленом чае, напоил полученным напитком коллег.

– Угощать чаем гостей принято во всем мире, – обязательно рассказывал он при каждом чаепитии какой-нибудь занимательный факт. – В Азербайджане при помощи чая дают ответ сватам. Если родственники невесты согласны на брак, сватам подаётся сладкий чай. Если же чай и сахар принесут друг от друга отдельно, это означает вежливый отказ.

Каждый побывавший в «Чайхоне» уносил домой что-то новенькое из знаний об этом напитке.

– «Лапсанг Сушонг», например, [коптится](#) на сосновых дровах. А некоторые сорта зелёных чаёв принято обжаривать. Из чая варят даже кисель! – восторженно рассказывал Андрей Николаевич очередной рецепт Гуляре, обещая к следующим выходным обязательно им заняться.

АНБ даже одевался так – либо под чай с молоком, либо в канареечные, янтарные цвета. Что ему не слишком шло, но, не это, как понимаете, было главным.

Ну и, конечно, такое увлечение не могло обойтись без коллекционирования. Коллекцию чаев АНБ показывали по Первому каналу, о ней писали все журналы, в которых были разделы «здоровье» и «хобби» (то есть вообще все). Байховые и листовые, кирпичные и плиточные, черные, белые, зеленые, пуэр и улун. Турецкие, японские, африканские, иранские и прочие (одни только китайские сорта можно было перечислять целую вечность). АНБ не связывался лишь с ароматизированными экспонатами – их существовало вообще «Великое чайное море». Из него Бочаров вылавливал лишь самые классические варианты: типа, гэмматайи, японского чая с жареным рисом, мятного туарегского чая да лимонного чая, известного на Западе, кстати, как просто «Русский чай».

Теперь Гуляра ежедневно приносила домой Ивану что-то новенькое из этой богатой на детали тонирующей Вселенной.

– Ты в курсе, что чай – это камелия вообще? И что зеленый и черный чай – это одни и те же листья с одинаковых кустов?

– Быть не может! – искренне поражался Черешнин, знавший о чае только то, что вкусней он с сахаром, а питательней – с бутербродами. Ну и коньяк им еще неплохо запивается.

Побочным эффектом того количества чая, которое ежедневно выпивал АНБ, были его частые отлучки в туалет. Бегал он туда с регулярностью, расписанной по минутам. Это ли породило его вторую страсть – бег – или же то была обычная тяга к здоровому образу жизни, неизвестно. Но АНБ принимал участие во всех забегах и марафонах, которые не мешали работе и были доступны финансово (о забеге в Лондоне, Бостоне или Нью-Йорке, увы, приходилось только мечтать). В его машине всегда лежал, готовый к переодеванию спортивный костюм, а на ногах всегда были удобные беговые кроссовки. Очень часто он переодевался в спортивное еще на работе – чтобы отдать дань увлечению, не заходя домой – в ближайшем парке, алее или подходящем для этого бульваре. Бег же по выходным вообще был для него свят и обязателен. Естественно, с чайным термосом в рюкзаке.

Педантичность и скрупулезность в отношении своих хобби, проецировалась и на подход АНБ к рабочим обязанностям. Своей профессии он был предан и всегда ставил рабочие вопросы выше любых личных. Которых у него, как у любого семейного мужчины, содержащего трех детей и супругу с тещей, было не мало.

– Нормальный мужик, – делилась Гуляра с Иваном впечатлениями о новом начальнике после первого дня знакомства. – Подумала сначала, увалень какой-то. А в нем энергии – на трехведерный самовар!

Нового маньяка, разумеется, супруги обсуждали тоже.

С предварительными выводами, сделанными Бочаровым, Черешнин любезно согласился.

– То, что жертвы были друг с другом не знакомы, но при этом убийца собрал их вместе, – прокомментировал детектив, – говорит о том, что он действует по каким-то правилам. По программе, пока неизвестной. В общем, да, налицо очередной маньяк, спорить глупо.

Иван обнял жену.

– Ты сама-то, как?

Заботливый супруг имел в виду, насколько Гуляра справляется с собой. Меньше года назад побывав в плену у одного из самых кровожадных маньяков и спасшись от него практически чудом, она имела полное право относиться к подобным вещам болезненно.

Гуляра спокойно, может, лишь чуть натянуто, улыбнулась.

– Все нормально, Ванюша. Поверь.

Иван пристально смотрел в ее глаза, пытаясь понять, говорит она правду или просто его успокаивает. Гуляра это поняла и призналась честно, уже без улыбки:

– Бывает, что накатывает, конечно. Но я справляюсь. С твоей помощью. Все нормально.

Гуляра придвинулась к супругу. Взяв его руку, она осторожно положила ее себе на живот. Который к тому времени стал уже настолько заметным, что вскоре от Тamarы Брыкун его придется прятать не под парео, а под дубленкой или шубой.

– А если что... Ты нас от всех злодеев защитишь, я знаю. Ты – мой герой.

– Не надо никаких «если что», пожалуйста, – искренне попросил Иван. – На всех злодеев у меня «героина» не хватит.

– Шуточки у тебя, как рэп у Ложкина, – добродушно констатировала Гуляра.

– Такие же смешные?

– Угу, мечтай. Над ними еще пахать и пахать.

Глава 7. Одиночка Клара

В слове «одиночка» сразу слышится нечто опасное, с чем лучше не спорить и, тем более, не вставать у него на пути: Чак Норрис, Рембо, Леон-киллер. Приставка «мать» делает его лишь еще более устрашающим. В ежедневной борьбе за обычные для других радости жизни они приобретают такие скиллы выживания, которые не снились ни зеленым, ни краповым беретам. Но секретарь детективного агентства «Ф.Б.Р.», мать-одиночка Клара Красовская, на дух не переносила, когда ее так называли. По ее мнению, это звучало так же изящно, как «массовик-затейник», «рак-отшельник», «суп-пюре» – или любое другое слово, написанное через дефис.

Обладая весьма невысоким ростом и почти подростковой внешностью, Клара, тем не менее, везде привыкла пробиваться силой. И это неплохо у нее получалось. Помогал колючий до травмоопасности характер, безжалостный острый язык и пронзающий любую защиту, едкий взгляд. Не только в физическом, но и в экзистенциальном смысле – на жизнь. Пробовать пробить ее оборону, сшитую внахлест из скепсиса, цинизма и прагматичного отношения ко всему на свете, было занятием неблагодарным.

Как формулировала Клара сама для себя, в ее жизни было несколько главных вещей. Главной любовью был сын. Главным врагом – его отец. Главной задачей – не проиграть главному врагу в битве за главную любовь.

Все, что можно было решить в мирном разговоре, они с бывшим мужем, московским бизнесменом Владленом Красовским, давно решили. Нынче борьба целиком перешла в залы судебных заседаний и, надо сказать, грозила закончиться не в ее пользу. Бывший супруг одерживал одну победу за другой. Кроме того, приближалась решающая судебная схватка, выйти на которую Кларе было практически не с чем. Разве с одним характером.

Основным козырем противной стороны была финансовая несостоятельность матери, на порядок отличающаяся от финансовой состоятельности отца. И с этим было глупо спорить. Возможности, предоставляемые ребенку Владом, были намного выше. Учитывая, что начавшийся на днях новый учебный год сожрал последние денежные запасы, положение секретарши детективного агентства было похоже на безвыходное.

По просьбе матери-одиночки Иван и Василий задержались в офисе «Ф.Б.Р.», разместившись вокруг столика для посетителей в приемной.

Клара была конкретна с самого начала:

– Ребята, мне нужны деньги.

На это заявление никто не откликнулся. Три слова, произнесенные секретаршей, мог сказать любой из них, нисколько при этом не покривив душой. С участливым видом и Иван, и Василий продолжали смотреть на Клару, ожидая более детального объяснения. Она его дала.

– Адвокат говорит, это последний шанс, – Клара сверлила глазами партнеров по агентству. – Мне ненадолго. Просто чтобы полежали на счету. Банковская справка нужна, понимаете? Иначе Кирилла отдадут Владу.

Теперь ситуация стала понятнее, но что делать, было все равно неясно.

– Уффф... – издал Иван. – У меня нет сейчас. Даже на время.

– У меня тоже, – добавил Василий. – Столько – точно.

– Что делать? Я в панике, – сказала Клара совершенно спокойным тоном. – Вань? У нас есть хоть какое-то дело, которое может принести бабок?

– Ты еще весной везде и так взяла авансом, – ответил Черешнин. – Нам еще обрабатывать.

Детективные дела, которые вел до своей кончины первый глава агентства Филипп, действительно погоды не делали давно. А на новых – типа, поиска кобелей брюхативших породистых такс, ставку делать тоже не имело смысла: слишком они были непостоянны. Слежка же за

неверными супругами большого дохода не приносила. В общем, если где-то и следовало искать деньги, то определенно не тут.

– А на какой срок? – спросил Ложкин.

– Не знаю, на пару недель, – ответила Клара. – Может на три-четыре. Заседание на следующей неделе.

Васька скорчил гримасу, обозначающую глубокое размышление.

– А что, есть какие-то мысли? – в тоскливом вопросе Клары проблеснула надежда.

– Упаси тебя от его мыслей, – заметил Иван, как никто знавший способы, которыми бывший сосед мог бы быстро раздобыть денег. – Над чем ты там задумался, гопота?

В ответ Ложкин улыбнулся во всю свою конопатую физиономию:

– Тебе не скажу, прокурорский муж. К тому же не факт, что выгорит. Но главное... – Ложкин повернулся к Кларе и «донес мысль». – Главное – вернуть в срок! Это жестко.

Секретарша ожила.

– Конечно! Мне к заседанию нужно иметь документ, а потом хоть тут же снимаю и отдаю!

– Ок, – произнес Василий и, поднявшись, направился к выходу. – Тогда я сегодня на отгуле. Пойду вопрос решать.

Клара проводила Ложкина таким же взглядом, какой недавно сама видела у хозяйки порченой таксы.

Иван отнесся к тому, что произошло, с нескрываемым скепсисом.

– Ох, Клара... Не к добру это, – проворчал номинальный шеф агентства, резонно заметив. – И, по любому, это временное решение.

Клара пожала плечами:

– А что ты предлагаешь? Отдать этому козлу сына? Только потому, что у него есть деньги, а мы с тобой их никак не заработаем?

– Договориться вам нужно. Без судов.

Красовская отреагировала на слова Ивана закатив глаза, словно они ее сильно рассмешили.

– Не получится. Столько всего наворочено между нами... Я у Влада Кирилла как-то даже выкрала. Прятала у матери. С тех пор он только через адвокатов со мной разговаривает.

Клара разозлилась, вспоминая:

– Все делает, чтобы меня выбесить! Одно то, что после развода он себе мою фамилию оставил...

– Чего? – удивился Черешнин.

– Это я Красовская. И всегда была, – пояснила Клара удивительный, ранее неизвестный Ивану, факт. – А он Серюков. И не Владлен, а Владик. «Меня все партнеры уже под этой фамилией знают...» – передразнила Клара бывшего мужа и резюмировала: – Сука тщеславная.

– Я никогда не спрашивал... – решился Иван на достающий его любопытную натуру вопрос. – А почему вы вообще расстались?

Клара вздохнула и откинулась на спинку дивана для посетителей.

– Измена.

Черешнин с сочувствием покачал головой и даже цокнул языком.

– Понятно.

– Что тебе понятно? – секретарша жестко ухмыльнулась.

– Ну, с твоим характером... Принципиальным. Простить такое...

– Это я ему изменила, умник. Это мне Влад не простил. И мстит теперь.

– Что? – брови Ивана полезли под челку. – Ты не шутишь?

– Не шучу. С Филиппом, со своим непосредственным детективным начальником, – сообщила Клара следующую шокирующую деталь. – Но и Влад мне изменял, если тебе интересно.

– Понятно, – Иван не знал, как реагировать на спровоцированное им самим признание. – Отомстила?

– В своем роде, – подтвердила Клара. – Он с Филиппом в карты играл частенько. Все время говорил, что завязал, но врал. И в один прекрасный вечер поставил на кон меня.

– Да ты гонишь!

– Да.

– И что, проиграл?

– Нет, выиграл. Но я, когда узнала, психанула. И пришла к Филиппу сама – вручить компенсацию. Насильно.

Клара подошла к бару для клиентов и налила себе выпить. Черешнин сидел молча, с выпученными глазами.

– Это я потом узнала, что Влад меня не прямо физически на кон поставил, как бабу, – продолжила Клара, с бокалом в руке усевшись обратно, – а всего лишь мою зарплату за месяц.

Секретарша сделала глоток из бокала.

– Но я уж как поняла, так поняла. В общем, дурацкая ситуация. Филипп, спасибо ему, как джентльмен себя повел. Сделал вид, что ничего не было. Я работала, как раньше – он ни словом, ни намеком не напоминал. А вот Влад не простил, как понимаешь. И не простит.

– Ничего себе отношения... – произнес Черешнин, чтобы сказать хоть что-нибудь.

– Да, – согласилась Клара. – А самое тупое, что я ему видео с камер наблюдения послала. И он с тех пор его с собой по всем судам таскает – показывает, какая я в деталях. А мне и сказать нечего. Плюс история с похищением. Да еще и деньгами давит – у него их море сейчас...

Без особой надежды Иван попробовал дать совет:

– А ты в суде про то, что он картежник говорила?

– Естественно. Но он, как назло, играть бросил. Сорвал куш, как мечтал, и успокоился. У него теперь свой бизнес, процвета-а-ющий!

Клара сдавила недопитый стакан с виски – будь в ее миниатюрных пальчиках чуть больше силы, он бы треснул, как ее семейная жизнь.

– Что за бизнес?

– Не поверишь, – Клара хохотнула. – Крематорий!

– Да ладно! – в такое действительно было трудно поверить.

– Крематорий, честное слово, – повторила Клара. – Он его в карты и выиграл. Золотая жила оказалось. И после этого зарекся. Так что мне вообще крыть нечем. В общем, чтобы там Васька не придумал, а деваться мне некуда. Кирилл я Владу не отдам ни за что и никогда. Чего бы это мне не стоило!

Чак Норрис залпом допил то, что оставалось в бокале и сверкнул взглядом Леона-киллера.

Глава 8. Покушение

Кличку коту Розы Моисеевны Иван придумал сразу, даже две. Но ни на «шлемазл», ни на «поц» за целый месяц рыжий котяра не откликнулся ни разу.

– Перестань, – супилась Гуляра, которая новому жильцу была только рада. – Он тебе за это в тапки нагадит. А я их беру иногда.

По заведенной в молодой прокурорско-детективной семье привычке за вечерним чаем супруги делились рабочими переживаниями. Иван рассказал о материнских горестях Клары и ее странном романе с шефом Филиппом. Гуляра полностью разделила с мужем его справедливое удивление. И о том, откуда Василий добудет требуемую сумму, также высказалась в схожем духе:

– Главное, чтобы у ваших клиентов не стали вещи из дома пропадать!

Дела, связанные с маньяком, оказались более интересными. За месяц плотного прокурорского расследования была опрошена чертова уйма людей, благодаря чему некая картина постепенно начала складываться.

– Свидетели, из тех, что живут неподалеку, говорят, слышали нечто подозрительное, – рассказывала Гуляра. – Бензопилу.

– Вот редкость в деревне, – скептически отнесся Иван.

– Звук шел со стороны озера, – пояснила Гуляра, – примерно оттуда, где нашли тела. Деревьев там нет, нечего пилить. А вот лед, когда полынью делают или иордань, именно что пилят. Я гуглила.

– Ага... – согласился супруг. – Другое дело.

– Вот, местный мужичок, который пилу слышал, и рассказал, что это странным ему показалось. Кто туда ночью полез и зачем? Он запомнил, потому что подумал: не его ли пилой фиگачат? Пошел в сарай, проверить, вдруг сперли.

– И все? Просто слышал пилу? – ценность информации все еще казалась Ивану завышенной.

– Не все, – продолжила Гуляра. – Утром он обнаружил на снегу следы машины. Отчего-то уверен, что «Газель». Газель вообще можно по одному следу определить?

– Понятия не имею. Может, и да.

– Но это так... – Гуляра отпила из кружки чая. – Просто подтверждает, что предварительные выводы были правильными. Наши продолжают рыть. Но каждую газель в округе проверить, это... Есть зацепка гораздо интереснее. Медэксперты закончили с телами.

– Так, и что? – муж-детектив заерзал на месте, понимая, что Гуляра его к чему-то готовит. – Насиловал?

– Наоборот, – коротко ответила жена-помощник следователя и снова глотнула чая. Увидев, как муж задумался над «изнасилованием наоборот», пояснила: – Все три оказались девственницами!

– Ого... – удивился Черешнин. – Ничего себе. И что это значит? Кто-то похищает девственниц, держит их в плену и затем убивает? На «отличненько» он с ума сошел...

– Вероятно так, – согласилась Гуляра.

– Но кое-что это точно дает, – продолжил размышление Иван. – Если предположить, что маньяк охотится именно за девственницами и ему нужны они и только они, то... как он... Не на улице же подходит и спрашивает? Наобум найти в Москве девственницу, это...

– Мы с Бочаровым тоже над этим вчера думали, – сказала Гуляра. – Как-то эта информация должна к маньяку приходиться? Послали запрос, где дамы наблюдались по части женского здоровья.

– Правильно! Я бы тоже так сделал, – похвалил недавний программист московскую прокуратуру. – И что?

– Представь себе, те две, которых опознали, приписаны к одной поликлинике. Хотя и жили в разных районах. Третью продолжаем искать.

– Отлично! Да это же почти раскрытие дела! – искренне порадовался за супругу Иван. – Ниточка явно ведет к клубочку!

– Завтра туда еду, – Гуляра была довольна произведенным эффектом. – Говорить с главврачом поликлиники.

– А можно с тобой? – неожиданно попросился Черешнин. – В канторе все равно никаких дел. Дома, с этим, – он кивнул на кота, – не хочется сидеть.

Гуляра не успела ответить – во входной двери защелкал замок.

Супруги переглянулись: для визита хозяйки Тамары было поздно. Но это была именно она (Гуляра едва успела накинуть свое парео), причем в весьма необычном виде! Руки и правая щека Тамары Николаевны были испачканы землей, на одной из ладоней кровоточила ссадина. Кроме этого, был надорван рукав плаща, а на коленке зияло черно-красное пятно, в котором живописно перемешалась московская грязь и кровь из свежей, только что полученной раны.

Прихрамывая, Тамара Николаевна прошла в комнату.

– Привет, Холмс и Ватсон! – громко поприветствовала она Ивана и Гуляру (хотя правильнее было бы «Холмс и Лестрейд»).

Тамара осела на стул возле обеденного стола и мрачно уставилась в пол перед собой, крепко поджав губы.

– Что случилось? Вы упали? – первой обрела дар речи Гуляра. – Давайте, я посмотрю. Может вам «скорую» надо вызвать?

– Не надо. Я в порядке, – отмахнулась Тамара и обратилась к Ивану: – Радуйся, есть работенка по профилю!

– В каком смысле? – спросил Иван, в любом случае не ожидающий ничего хорошего. – Тамара Николаевна, точно все в порядке?

Словно сомневаясь в верности принятого решения, Тамара смерила Черешнина тяжелым взглядом и, переступив через что-то внутри себя, приступила к рассказу о том, что с ней произошло.

Произнося недавно в адрес Ивана свое насмешливое «Щас помру!» Тамара Николаевна и не предполагала, насколько близка к истине. Оказывается, в тот раз, покинув Ивану и Гуляру, она чудом избежала гибели – прямо у подъезда их дома.

– Убить меня хотят, – начала она историю с собственного вывода, лишь затем приступив к деталям. – Как вышла от вас в прошлый раз, пошла на метро. Из темноты – машина на полной скорости! Едва успела отскочить. Но все равно она задела боком – вон, локоть весь синий.

Тамара Николаевна закатала рукав, и Иван с Гулярой увидели обширную гематому, примерно недельной давности, на правой руке своей квартирной хозяйки. Ивану показалось странным, что с тех пор Тамара так и ходит в земле и кровоподтеках, но пока он решил вопросов не задавать.

– Понятно, – с вежливым интересом сказала Гуляра. – И что дальше? Вы в полицию заявили?

– Сейчас! Обматерила вдогонку да домой пошла. Мало ли придурков ездит. Да и машину я не запомнила, не разбираюсь я в них.

Тамара вновь поджала губы, словно вспоминала каждое слово, посланное вслед едва не сбившему ее лихачу.

– Неприятное происшествие, – прокомментировал Иван. – Но от меня вы чего ждете?

– Убить меня хотели, говорю же! – Тамара еще раз презрительно окинула Ивана взглядом. – Надо поймать его.

Черешнин развел руками в стороны.

– Тамара Николаевна! Дураков на дорогах полно, вы сами сказали. Где его искать? И, кстати, почему вы думаете, что он хотел вас именно...

– Потому что только что он еще раз попытался! – перебила Ивана Тамара, кивнув на свое разбитое колено и порванный плащ. – Или не видишь?

– Ах, вот как! – понял Иван. – Теперь ясно. Расскажите.

– Да все так же было, – квартирная хозяйки заскрипела сжатыми от негодования зубами. – Вышла от клиента, прошла метров пятьдесят. Из аллеи – машина на полной скорости. Я в сторону – она туда же, я в другую – она за мной. В канаву пришлось прыгнуть.

– Ничего себе! – Гуляра с сочувствием гладила Тамару по руке, по-женски успокаивая. – Это меняет дело. А в этот раз номера запомнили? Машина та же была?

– Да хрен ее знает. Они для меня все на одно лицо. С фарами, такая, – Тамара показала пальцами машину.

– Надо писать заявление. Я помогу, – Гуляра встала, чтобы принести бумагу с ручкой. – Вань, поставь пока Тамаре Николаевне чаю.

Но Тамара раздраженно ее остановила:

– Не надо чая! И заявления тоже, – она стукнула кулаком по столу. – Тут вот в чем дело... Я как начала думать, кто бы это мог быть... У-у-у... Там столько родных под подозрение попадает... А не родных – еще больше. В общем, не нужно мне, чтобы их на допросы таскали. Как потом?.. Да и смысл? Ничего не видела, машину не запомнила. Так что... – Тамара вновь вонзила взгляд в Ивана и, не мигая, многозначительно замолчала.

– Что «так что»? – переспросил Черешнин неуверенно. – Вы хотите, чтобы я это дело расследовал?

– Сообразил! Слава тебе, Господи! – «обрадовалась» Тамара. – Мда... Мало надежды, но лучше, чем вообще никакой. Правильно понял. Давай, расследуй!

Иван зачесал в затылке, подыскивая приемлемую форму отказа (в том, что надо отказываться, никакого сомнения у него не было).

– Подождите... Тамара Николаевна... Вы знаете, я-то, может, и не против, но... Настолько серьезное дело...

– Квартплата за год, – Тамара произнесла это так, будто шлепнула кусок сырого мяса на базарные весы. – И еще долг спишу. Не обижу.

Иван застыл в растерянности, затем глянул на Гуляру – в ожидании поддержки. Но она смолчала – «решай сам».

Раздраженная паузой Тамара Николаевна рявкнула:

– Что ты тут думаешь? Думает он еще! На твоей совести буду, если что! Кто-то хочет грохнуть меня, безгрешного ангела, пока ты тут не мычишь, не телишься. Носит где-то земля кровопийцу! А он думает, стоит!

Тамара еще долго кляла одновременно и Ивана, и несостоявшегося убийцу, не обращая внимания на то, что ее уже не слушают.

– Это не ты? – шепотом спросила мужа Гуляра.

– Я бы не промахнулся, – так же тихо ответил Иван, уже понявший, что отвертеться от расследования этого странного «покушения» ему не удастся.

Через некоторое время обе стороны договорились встретиться завтра с утра – чтобы на свежую голову обсудить все необходимые детали и составить план расследования. Вслед за этим Иван (после толчка Гуляры локтем в бок) вызвался проводить Тамару Николаевну до такси, на котором ей теперь было рекомендовано передвигаться всегда.

Из подъезда Черешнин вышел первым – чтобы осмотреться, нет ли где злоумышленника. Не обнаружив ничего подозрительного, он позвонил Гуляре, и та отправила квартирную хозяйку вниз.

– А кот? – без особой надежды спросил Иван, усаживая корпулентную Тамару Николаевну в мигом просевшую до асфальта машину такси.

– Что «кот»? – буркнула Тамара. – Хоть какие-то результаты предъяви для начала. До завтра! Если живы будем.

Домой Иван вернулся хмурым и озадаченным. Чай допивать уже не хотелось.

– Да... Прекрасный заказ я надыбал, нечего сказать. Клара в восторге будет.

На колени к расстроенному детективу запрыгнул кот. Не решаясь его прогнать, Иван почувствовал, что им манипулируют уже совсем все кому не лень.

– Блин! – возмутился он, позволяя коту удобнее устроиться. – Она же сама ставила два жестких условия, помнишь? Никаких животных и никаких детей. И сама же их нарушает!

– Ничего. Мы же ей, считай, отомстили, – ответила Гуляра, избавляясь от маскировочного парео.

Гуляра взъерошила на голове мужа волосы и почесала ему «шейку» и «за ушком».

– Всего четыре месяца и у нас будет свой котенок, Ваня.

– Через месяц от Тамары тебя придется прятать в переноске, – пошутил Иван, с нежностью обнимая супругу. – Как она нас до сих пор не раскусила, не понимаю.

– Ну, это же ты детектив, а не она, – улыбнулась Гуляра. – Когда-нибудь все равно придется признаться.

– Надеюсь, к тому времени мы с ней расплатимся и съедем.

Не отрываясь друг от друга, молодожены вернулись к обсуждению планов на завтра. Место, в котором Иван собирался встретиться с Тамарой Николаевной, было не так далеко от поликлиники, куда собиралась ехать Гуляра. Так что они решили действительно сходить туда вместе, чтобы потом было удобнее добираться до дома. В ближайшие четыре месяца Иван решил проводить рядом с Гулярой каждую возможную минуту.

Глава 9. Кто?

Перед тем, как ехать на встречу с Тамарой Николаевной, Иван все же заскочил в «Ф.Б.Р.» – перемолвиться парой слов с Кларой.

Естественно, в восторг от работы, за которую заплатят чужими долгами за чужую жилплощадь, она не пришла.

– А мне что с того? – задала секретарша совершенно резонный вопрос.

– Пожизненное компьютерное обеспечение и техподдержка, – предложил Иван единственное, чего у него было в избытке.

В ответ Клара только фыркнула. Поломанную Кириллом электронику, его игровые приставки и ее личный ноут Иван обслуживал и так. Но правила приличия, а какое-то их понимание было и у прагматичной секретарши, заставили ее дать согласие. Тем более, что от нее самой пока ничего не требовалось.

– Окей, расследуй, если хочешь, – ответила она и вернулась мыслями к тому, что волновало ее гораздо больше: Васька обещанных денег пока не принес, но уже звонил с тем, что скоро будет.

В принципе, это дело касалось только Ложкина и Клары, поэтому Иван, посоветовав быть поосторожней, оставил ее дожидаться своего финансового избавителя в одиночестве, а сам выехал на встречу к Тамаре Брыкун.

Примерно через двадцать минут ходьбы и получаса метро Иван сидел напротив Тамары Николаевны в «Чайхоне номер один».

– Начнем с того, что составим список, – предложил детектив. – Вспомните, с кем у вас были конфликты?

– За какой срок? – уточнила Тамара.

– В последнее время. Кто бы мог желать вам вреда?

– Смерти, – поправила квартирная хозяйка. – Желать мне смерти. Вреда мне кто угодно желает. Вон, хоть его возьми!

Тамара показала на шуплого официанта с плаксивым лицом, которого она успела довести до слез, всего лишь выбирая к чаю десерт.

– Смерти, родной. Я чувствую... – сказала она еще раз, глядя свинцовым взглядом в глаза Черешнину.

В течение получаса Иван печатал со скоростью лазерного принтера, но ни конца, ни края списку потенциальных убийц, составляемому Тамарой Николаевной, видно не было. В принципе, в него вошли все, кто имел счастье пообщаться с Тамарой Брыкун дольше двух секунд. Продавцы всех магазинов, в которые она ходила, служащие парикмахерских и маникюрных салонов, которые она посещала, ремонтные мастерские, куда она когда-либо что-либо сдавала чинить, в полном составе ЖЭК, гаражный кооператив мужа и так далее, далее и еще раз далее. А также все квартиросъемщики, все соседи и все соседи всех квартиросъемщиков.

– Что, и себя писать? – спросил на всякий случай Черешнин, зная ответ заранее.

– А чем ты лучше? – переспросила Тамара, сняв вопрос. – Или, скажешь, ничего ко мне, кроме любви и уважения, не испытываешь?

Отдельно досталось родственникам – которых Тамара Николаевна, оказывается, подозревала больше всего. Начиная с самых родных и заканчивая недавно приобретенными. Беринзон-Шлиппе попали в прицел полным составом, включая заглянувших лишь на свадьбу самых-самых-самых дальних родственников.

– Такая порода у них паскудская... От кого хочешь ожидать можно! – резюмировала Брыкун необходимость такого внимания к новой родне.

Черешнин послушно вписал всех.

– Вроде все, – наконец остановилась Тамара. – Кого еще вспомню, смской дошло. Иван оглядел, что получилось, и сделал очевидное предложение:

– А теперь, Тамара Николаевна, давайте из всех «злоумышленников» выделим наиболее вероятных – чтобы сузить круг подозреваемых, так сказать.

Стандартная формулировка, встречавшаяся Тамаре в детективных книжках и сериалах, с трудом, но подействовала.

– Ну ладно, – с недоверием глядя на Ивана, процедила она и, скрепя сердце, принялась убирать из списка имена и фамилии.

Из продавцов в нем осталась лишь пара человек. Гаражный кооператив вычеркнули полностью – пока. Туда спорить и собачиться ходил в основном Брыкун-старший – логичнее было бы попробовать «завалить» его. Число, способных на покушение квартиросъемщиков тоже заметно поредело.

– Хоть бы спасибо сказал, – проворчала Тамара, вычеркивая самого Ивана.

– Премного благодарен. Тем более – как бы я сам себя расследовал?

– А вот не найдешь никого – и станет понятно, что ты и есть!

В полном составе среди подозреваемых остались только Шлиппе, из которых Тамара особенно выделила свекровь – Елизавету Викторовну, доцента кафедры зарубежной литературы при МПГУ.

– Додик, – так она называла зятя, – сам ни на что не способный. Как и папаша его, яйцеголовый. Тряпки. А вот она, змеина, чувствую, та еще! Так на меня, бывает, из-под очков зыркнет – кобра! – до сердца пробирает. А на меня, поверь, в жизни кто только зыркать не пробовал.

– Хорошо, Тамара Николаевна. Уделим особое внимание, – заверил заказчицу Иван, естественно, не принимая всерьез в расчет версию о доцентах-филологах, охотящихся на своих недругов за рулем автомобиля. – Я пока подумаю, какие действия стоит предпринять первыми. Ну а вы помните про безопасность: старайтесь без нужды никуда не выходить. Будьте осторожны!

Расставшись на этом с Тамарой, окрыленный ожиданием скорой встречи с любимым человеком, Иван Черешнин помчался на встречу с Гулярой – составить супруге компанию в поисках маньяка, имеющего связи в Минздраве.

Глава 10. 225-я

Главный врач 225-й московской поликлиники Борис Артурович Минкин с печалью вникал в квартальный список оформленных больничных листов, с прискорбием обнаруживая, что значительная их часть выписана его подчиненными друг другу. Из чего выходило, что во введенном ему медицинском коллективе царит каламбурно нездоровая атмосфера. Но, насколько главврач знал ситуацию, никакого мухлеза в этом не было. Подчиненные ему коллеги хворали не метафорически, а буквально. У Минкина уже давно не вызывали удивления ни кашляющие терапевты, ни шаркающие ортопеды. Среди врачей 225-й было полно язвенников и неврастеников, почечников и ревматиков. Через одного они были с инфарктами – включая его самого. На таком общем фоне даже патологический алкаш-гинеколог, с которым он хлебнул в свое время лиха, выглядел древнегречески здоровым атлантом. Большинство в этих медицинских напастях по привычке винило московскую экологию, но сам Борис Артурович полагал, что в большей степени «все от нервов». Как не быть нервным, работая в любой области, связанной с государственным здравоохранением, – было вопросом без ответа в принципе.

Каждый снимал напряжение, как мог. Кто-то пил, как гинеколог. Кто-то орал на подчиненных, как почти все заведующие отделениями. Кто-то на больных – как вся регистратура. Борис Артурович, сбегая от действительности, смотрел сериалы – преимущественно на медицинскую тематику. Любимым у Минкина числился знаменитый «Доктор Хаус». Его он смотрел не только из-за увлекательных сюжетных перипетий, но и чтобы хоть краешком глаза увидеть возможности нормально развитой, вовремя и в достаточных объемах субсидируемой медицины. Кроме того, как главный (и отнюдь не плохой!) врач, Борис Артурович невольно ассоциировал себя с главными героями сериала. Нет, он не представлял себя брутальным хромающим гением медицины, блестяще сыгранным Хью Лори. Борис Артурович скорее ощущал себя роскошной черноволосой красавицей с огромными печальными глазами – начальницей больницы «Принстон-Плейнсборо», Лизой Кадди. Ее проблемы были ему гораздо ближе и понятней (разве что тараканов в подвале ее учреждения представить было сложно). А вот несносным, строптивым Грегори Хаусом в его поликлинике были все остальные. С полным перечнем его пагубных пороков, равномерно распределенным по всему рабочему коллективу.

Но Борис Артурович все равно любил свою работу и во всех обстоятельствах старался делать для нее максимум возможного. Его поликлиника не относилась к престижным и суперсовременным, но вполне справлялась с основной задачей – оказанием медицинских услуг районному населению. И в этом была его, Минкина, немалая заслуга – незаметная для многих, даже самых проницательных коллег. Вследствие чего Борис Артурович жил в постоянном ощущении одиночества и недооцененности. Но с этим приходилось мириться. Тем более что всех своих секретов (например, подробности разработанного им «Плана») он все равно никому рассказать не мог.

Кстати говоря.

Со вчерашнего вечера Минкина поездом грызла тревожнейшая мысль: сегодня в его поликлинику должны прийти из прокуратуры!

Что им известно? По какому вопросу? По телефону сказали – чтобы выяснить что-то по персоналу и пациентам. Наверное, какая-нибудь дурацкая жалоба – их всегда полно. Но... А вдруг это отвлекающий маневр? А на самом деле их интересует «План», который он уже начал приводить в действие? Если что-то всплывет, отступить назад ему будет непросто...

Борис Артурович почувствовал, как по спине поползли неприятные мурашки. «План» казался таким простым и изящным, что отказаться от него, особенно после удачно преодоленной начальной стадии, было бы крайне жалко.

Но, может, все обойдется?

– Вы из прокуратуры? – прокричал мужчина.

– Да! – Гуляра показала наконец-то найденное удостоверение. И заодно сунула его под нос психу в санитарной форме. – Есть еще вопросы?

Водитель-санитар, сжимая огромные жилистые кулаки, запыхтел от злости, но ничего больше не сказал. Видно было, что на него подействовали и крик из окна, и гулярина «корочка».

– Одну минутку! – с улыбкой крикнул мужчина в очках. – Я сейчас пришлю вас кого-нибудь проводить.

Кипя от злости, усмиренный «Декстер» сел в «скорую» и с треском захлопнув дверцу. Взревел двигатель. Взвизгнув шинами, машина рванула в сторону шлагбаума. Но, судя по всему, ремонт прошел неудачно – с громким хлопком выпустив из глушителя облачко белого пара, «скорая» тут же заглохла. Санитар вышел, снова бешено хлопнул дверцей и с чувством пнул переднее колесо, бормоча при этом щедро пересыпанные матом ругательства.

– Так тебе и надо, психованный, – довольно сказал Иван. Впрочем, так, чтобы его слышала только Гуляра.

– Ладно, – она с натугой улыбнулась. – Пойдем, познакомимся еще с кем-нибудь из этого гостеприимного заведения. Надеюсь, главврач тут хоть бы чуть-чуть подружелюбнее.

Глава 11. Декстер

– Располагайтесь! Я сейчас организую кофе, – Борис Артурович, встретил гостей радушно, пытаясь всеми силами своей харизмы скрасить неудачное впечатление о его заведении.

Это было нелегко. И Ивана, и Гуляру после общения с агрессивным санитаром слегка потряхивало.

– Вы уж простите нас великодушно, – продолжал рассыпаться в извинениях главврач, оказавшийся тем самым мужчиной в очках и галстук. – Хорошо, что у меня окна в кабинете во внутренний двор. Наблюдаю, кто из врачей сколько курит, ха-ха!..

Иван бросил взгляд в окно. Ненормальному санитару, наконец, удалось завести машину, и теперь он свирепо газовал перед шлагбаумом, нетерпеливо ожидая, когда тот двинется вверх. Как только кончик балки на сантиметр поднялся выше автомобильной крыши, «скорая» сорвалась с места и на максимальной скорости скрылась за поворотом.

Гости из прокуратуры расположились на удобном диванчике напротив низкого журнального столика с педантично сложенными медицинскими буклетами. Кофе им принесла ветхая медсестра с тяжелым, астматическим дыханием.

Минкин перехватил у сестры поднос с чашками и аккуратно поставил его перед гостями.

– Я правильно расслышала, вы его Декстером зовете? – задала вопрос о санитаре Гуляра.

– Ну, так-то его Костей зовут, – добродушно улыбнулся Борис Артурович. – Константином Сергеевичем. «Декстер» – это, извиняюсь, кличка. По сериалу. Про маньяка. Видели?

– Нет, – качнула головой Гуляра. – Но ему подходит.

– Я еще раз извиняюсь, – продолжил стелиться Минкин. – Понимаете, у него свои привычки. Своеобразные. Он ...

– Сидел, – подсказала помощница следователя. – Я сразу поняла.

– Совершенно верно, – подтвердил главврач. – Но с персоналом вечные проблемы, вы же понимаете. Берем тех, кто согласен, а там – всякие. А дядя Костя...

– Дядя? – переспросил Иван, кладя в кофе сахар.

– Ну да. Дядя. Глупо я проговорился, да? – обезоруживающе рассмеялся врач, блеснув очками. – Но это не тайна, на самом деле. Все знают. Он – мамин брат, близкий родственник. Можете проверить, получает ставку, как рядовой работник, никакого кумовства.

Выглядело, будто главврач говорит искренне.

– Ценный работник? – с порцией иронии все же «уточнила» Гуляра.

– В общем, да, – простодушно ответил Минкин. – У дяди Кости большой водительский опыт. И санитарный тоже. Он еще в 90-х на «скорой» работал, а это многое значит. И руки – золотые. Он нам, знаете, сколько кабинетов отремонтировал? Во внеурочное время, причем. А для нашей медицины, сами знаете, каждая копейка...

– А за что сидел? – мягко перебил врача Иван.

– Тяжкие телесные. Двенадцать лет.

– Двенадцать за тяжкие дают разве? – выразила профессиональное сомнение Гуляра.

– Ему дали, – голос Бориса Артуровича чуть погрузнел. – Повлекшие непреднамеренный летальный.

– Тогда понятно, – протянула Гуляра и заметила: – Ну, с таким характером...

– Вы знаете, говорят... – Минкин заговорил серьезно. – Мама рассказывала, что это он вышел таким. Озлобленным, ошетилившимся. А раньше совсем другим был. Не таким. А тот случай... Он бригаду защищал. Напали два наркомана, думали разжиться наркотиками. Ну, дядя Костя и переусердствовал – вы же видели, он здоровый. Нанес одному несовместимую с жизнью ЧМТ. Второму – просто морду набил, но он племянником какой-то шишки оказался.

В общем, по полной ему ваши коллеги отвесили. Судьба под откос... А как я мог отказать? Он хороший на самом деле человек. Порядочный. Вы еще раз простите.

– Ладно. Мы к вам не по этому поводу, – удовлетворилась, наконец, Гуляра, – так что с извинениями давайте покончим.

– Слушаю вас внимательно, – Борис Артурович вернул на лицо улыбку, глаза его, правда, при этом слегка забегали. – Чем могу помочь?

В общих чертах Гуляра рассказала о причине визита. Борис Артурович выслушал ее молча, очень внимательно, не перебивая вопросами.

– Нам нужно узнать, за каким женским врачом были закреплены погибшие, и кто имел доступ к их данным, – добралась Гуляра до самой сути.

Борис Артурович отреагировал мгновенно.

– Это как раз не сложно, – он вскочил с дивана и быстро направился к своему рабочему столу. – У нас же новая система учета! Компьютерная, своими силами, кстати, разработанная. Внедрили несколько месяцев назад, там все четко.

Со своего компьютера, подключенного к внутренней сети поликлиники, главврач зашел в нужный раздел и показал экран Ивану и Гуляре.

– Вот, смотрите. Все наши пациенты и все их посещения наших врачей. Смотрим. Какие фамилии, говорите?

Гуляра продиктовала данные и компьютер мгновенно выдал результат.

– Вау! Они обе наблюдаются... Извините, наблюдались... у Стибелиса Ашота Яновича. Отличный специалист, между прочим, к нему в первую очередь все стараются попасть.

– Так, это уже кое-что, – прокомментировал Иван. – А можем мы с ним поговорить?

Борис Артурович всплеснул руками в халате, как большая морская чайка.

– Именно сегодня – нет, к сожалению. Он на конференции по обмену опытом. Я его лично послал.

– Что еще ваша система показывает? – Иван решил выжать из ситуации максимум. – Результаты осмотров тут можно увидеть?

– Конечно. Но только через ваш официальный запрос. Врачебная тайна, сами понимаете.

– Запрос не проблема, – ответила Гуляра, – Лучше скажите, мог ли кто-то посторонний эти данные получить?

– Исключено! – отрезал категорично Борис Артурович. – Как? Пароль же. И он только у меня, как у главного врача, и у самого Ашота Яновича.

– Пароли взламываются, – скептически отнесся к сказанному Иван, – это не так трудно, как считается. Дадите минуту?

Потеснив Минкина, Иван сел за его компьютер и защелкал клавиатурой. Через минуту он сообщил Гуляре:

– Защита, надо сказать, на нуле. Но не это главное. Сеть внутренняя, что значит, что если ее и ломали, то прямо тут, в поликлинике.

Иван обратился к врачу:

– Вы сказали, что систему сами разработали? А кто?

– А вот как раз гинеколог. Стибелис! – Борис Артурович произнес это с гордостью. – Я же говорю – один из лучших! Просто одержим был этой идеей. Вы же помните, какой у нас была медицина еще лет десять-пятнадцать назад? В полуобщице тетрадки карточки пациентов переписывали... Дикость и стыд! Он лично все систематизировал – чтоб хотя бы в рамках поликлиники был порядок. А я его всегда поддерживал. Вместе пробивали потом в Минздраве. Столько нервов ушло... Я инфаркт за это время пережил. И Ашоту тоже досталось.

Про то, что гинеколог неделями по-черному пил и лишь недавно вырвался из липких сетей этого распространенного порока, Минкин благоразумно умолчал. Впрочем, главное, что

сейчас волновало Бориса Артуровича, – это не репутация его отдельных сотрудников. Куда важнее было то, что про «План» пока так и не было ни сказано ни единого слова.

– А можем мы пройти к нему в кабинет? К его компьютеру? Из него, возможно, мы больше узнаем, – предложил Иван.

– Разумеется, – ответил Минкин с готовностью. – Я же говорил, он на конференции, кабинет свободен.

Пока троица совершала переход по длинным, пахнущим отечественной медициной коридорам поликлиники, Борис Артурович продолжал нахваливать гинеколога:

– Стибелис сейчас как раз, кстати, про нашу систему на конференции рассказывает. Пробуем не только у нас внедрить, но и по всей России. Хотя надежд, конечно... – Борис Артурович сморщил свой фирменный семитский нос и закачал головой. – Так у нас в системе все косо... Что-то новое пробить – никакого здоровья не хватит. Ни физического, ни душевного. Пришли.

Главврач отпер дверь, на табличке которой значилось «А. Я. Стибелис, гинеколог», и распахнул ее перед Гулярой и Иваном. Пройдя внутрь, они оказались в помещении, разделенном перегородкой на смотровую и кабинетную части.

– Вот, пожалуйста, – гостеприимно предложил Борис Артурович. – Ищите, что вам нужно.

Иван подошел к столу с компьютером, потрогал мышь, выводя машину из состояния покоя, взглянул на экран и хмыкнул:

– Говорите, чтобы никто чужой не имел доступа, все данные запаролены? – повторил Черешнин то, что минуту назад слышал от главврача.

– Конечно! А как еще! – подтвердил собственные слова Минкин.

– Но при этом сам компьютер не выключен и находится в системе.

Иван развернул дисплей в сторону врача и Гуляры, чтобы они могли убедиться в том, что он говорит правду.

– Другими словами, вот прямо сейчас кто угодно к этим данным может иметь доступ? – спросила Гуляра.

– Да, – кивнул Иван.

– Почему кто угодно? – главврач не согласился. – Кабинет-то заперт. Стибелис забыл, наверное, из программы выйти. Так же со всеми бывает? Мы же не Пентагон какой-то, чтобы... – под взглядами Ивана и Гуляры Минкин осекся. – Хотя, конечно, вы правы. Я проведу беседу.

– Вы, похоже, не понимаете всей серьезности, – весомо проговорила Гуляра. – Тот, кто убил как минимум этих трех женщин, взял их данные из вашей компьютерной базы. То есть он был тут, в вашей поликлинике. Или даже прямо здесь, в этом кабинете. Так? – она повернулась к Ивану.

– Совершенно верно, – авторитетно подтвердил Черешнин. – Скорее всего так.

Борис Артурович снял очки и потер переносицу пальцами.

– Простите, – принес он очередное извинение. – Действительно, я, наверное, просто не могу в это поверить, что ли... Убийства...

– Кто имеет доступ в этот кабинет? Перечислите, – попросила Гуляра.

– Я, – начал загибать пальцы Минкин. – Ашот Янович. Уборщицы. Две медсестры. Ночные охранники еще. Это все.

– По всем мне приготовьте личные дела, пожалуйста. По каждому, кто мог заглянуть в базу гинекологических осмотров.

– Да зачем мне? Или уборщице? Или охраннику? Ему шестьдесят три, он выше первого этажа не поднимается, – Борис Артурович все-таки не удержался и вспыллил.

– Не важно – ответила Гуляра. – На данный момент мы просто составляем список, кто имел такую возможность. Соответствующий запрос я вам оформлю.

Иван, тем временем оглядывающий опрятные стены гинекологического кабинета, вмешался в разговор, неожиданно встав на сторону Минкина:

– Вряд ли это была женщина или пенсионер. Искать все-таки надо среди здоровых, сильных физически.

Следующую реплику Иван неожиданно адресовал Борису Артуровичу:

– Скажите, а среди кабинетов, в которых проводил ремонт ваш дядя, был этот?

– Был. А что? – ответил Минкин осторожно.

– Значит, и ваш психопат-уголовник тоже имел доступ к базе, – Иван повернулся к жене. – Гуляр, мне кажется, вот с кем надо срочно поговорить – остальные подождут. Куда, по-твоему, он так срочно газанул, как только увидел твое удостоверение?

– Уничтожать улики, – Гуляра достала мобильный телефон.

– Сдается мне, это была не просто «газель», – добавил Черешнин, – «Скорая», с Декстером за рулем. Все сходится.

В следующую минуту, на глазах ошеломленного Бориса Артуровича, Гуляра подала ориентировку на машину из его служебного автопарка и приказ на задержание Константина Сергеевича Обухова, по кличке «Декстер» – возможно, одного из самых невероятных маньяков Москвы и Подмосковья. Также было оформлено изъятие компьютера гинеколога Стибелиса.

– Вы ошибаетесь. Я очень на это надеюсь, – провожал спустя полчаса гостей Борис Артурович.

– В этом случае нам придется вернуться и начать разговор заново, – ответила Гуляра. – А данные по всем, кто имел доступ к компьютеру, вы мне все равно подготовьте, пожалуйста.

Несмотря на то что фактически был задержан его одновременный родственник и подчиненный, после отъезда прокуратуры Борис Артурович все же испытывал облегчение.

«Дяде Косте сидеть не привыкать, – думал Минкин. – Быстрее разберутся».

Главное, что про «План» у него так ничего и не спросили.

А значит, можно приступать к его следующей части.

Глава 12. Клара, Сопля и Валерики

Гуляра отправилась в прокуратуру докладываться Бочарову. Иван подумывал, чем занять остаток дня – довольно солидный, было всего лишь обеденное время. Выбора делать не пришлось, зазвонил телефон – в трубке раздался голос Клары:

– Ваня, нужна помощь. Пожалуйста!

Ого, Клара сказала «пожалуйста»! Значит, это что-то по-настоящему серьезное.

– Что случилось? – с легкой иронией поинтересовался Черешнин. – Васька подставил?

– Не по телефону, – ответила Клара, и по ее тону было понятно, что шутить в ответ она не будет. – Это срочно. Я очень прошу.

Предчувствие, мягко говоря, было нехорошим. Потратившись на такси, Иван появился в офисе так быстро, как смог.

Клара сидела в приемной на большом диване для посетителей, обхватив руками голову.

– Что произошло? – спросил Черешнин с порога. – Ложкин денег не принес?

– Принес, – ответила Клара.

– И что с ними? Фальшивые?

Клара отняла от лица руки, и Иван увидел на ее лбу крупную, опухшую по краям ссадину. В правой руке его помощница держала окровавленный платок. На столе Иван заметил открытый пузырек с перекисью – вероятно, Клара сама себе оказала первую помощь. Тушь вокруг ее ресниц выглядела поплывшей – в это трудно было поверить, но, судя по всему, негибаемая секретарша даже заплакала.

– Клара! – воскликнул Черешнин в ужасе. – Что произошло?!

– Ограбили, – шмыгнула носом секретарша. – У нас на парковке.

Иван сел рядом.

– С тобой все в порядке?

– Нормально. Ерунда. Надо деньги вернуть.

– Полицию вызвала?

Закусив губу, Клара помотала головой.

– Нельзя полицию. Надо самим что-то придумать.

– Почему?

Скрипнула дверь и из кабинета, в котором в агентстве принимали клиентов, с виноватым видом выглянул Ложкин.

– А-а, понятно почему, – сделал совершенно верный вывод Черешнин и поднялся с дивана.

– Что понятно? – обиделся Васька. – Я-то причем?

– Рассказывайте все!

Приложив ко лбу платок, с завернутым в него льдом из бара для посетителей, Клара заговорила:

– Васька принес деньги. Минут через сорок после твоего ухода. Я позвонила адвокату, мы договорились встретиться в банке. Пошла к машине. Там и... Сзади подошел урод, пистолет к голове приставил. Я начала орать, не отдаю – он мне по лбу рукояткой вмазал. Сумка порвалась, деньги на асфальте, я тоже. А он мне, тварь, еще и с ноги дал... – поморщившись от боли, Клара сменила положение на более удобное. – По ребрам. Собрал с земли бабки и бегом.

– А ты где был? – сурово спросил Иван у Василия.

– Тут, – с вызовом ответил Ложкин. – «Такса» должна была захватить, остаток заплатить. У нее, кстати, все успешно прошло, со щенками. На радостях премию решила дать. Ну, как решила... Клара из нее выбила.

– Это правда, – подтвердила Клара. – Я сама его попросила остаться.

– А что? Ты на меня что ли... – возмутился Василий, до которого дошло, что вопрос Ивана можно истолковать и по-другому. – Ты вообще?!

– Да успокойся ты, – ответил Черешнин примирительно. – Надо же понять, что и как происходило. Кто еще знал про деньги?

– Ты, – буркнул Ложкин.

– У меня алиби. Я в это время в компании работника прокуратуры находился. Давай серьезно, кто еще?

– Никто, чем тебе поклясться? – Ложкин разозлился всерьез.

– Условным сроком за мошенничество! – припомнил Иван бывшему соседу факт из его биографии.

– Там ничего не доказали! – в тон ему ответил Василий.

– Искали плохо!..

– Ребята! – остановила перепалку Клара. – Надо найти деньги. Иначе все... У меня нет запасных вариантов.

– Еще как надо! – согласился Васька. – Вы догадываетесь, каким людям мне их возвращать?

Иван сел обратно на диван и потер пальцами виски.

– Хорошо, давайте думать. Ты нападавшего разглядела? Он один был?

– Вроде. Рассмотреть особенно не получилось. Черная куртка, джинсы. На башку он чулок натянул. Вообще, сильно нервничал – не думаю, что он это часто делает. Как будто случай подвернулся, и он воспользовался. Сумка еще есть, в которой Васька деньги принес, – Клара показала на валявшуюся на полу спортивную сумку. – Он за ручку хватался, может там отпечатки остались? Хотя какие отпечатки... чем это поможет...

Ограбленная секретарша заплакала, снова обхватив руками голову. Ложкин аккуратно присел на краешек дивана и легонько похлопал Клару по плечу, выражая сочувствие. В ответ рыдающая Клара прижалась к его груди – в других обстоятельствах такое невозможно было даже представить.

Иван же в это время осматривал порванную сумку. И, оказалось, не зря.

– Ого, да тут трекер!

Ложкин прекратил сочувствующие похлопывания, а Клара, остановив плач, подняла на Ивана окончательно потекшие глаза. На ладони Черешнина лежала черная пластиковая коробочка – размером с зажигалку Zippo – с коротким проводком, исполняющим роль передающей антенны.

– Значит, за сумкой следили с самого начала, – Иван повернулся к Ложкину. – Васька! Немедленно колись – откуда деньги!

Для порядка Ложкин помялся.

– Лучше бы вам этого не знать, конечно, – вздохнул он. – А мне уж точно не рассказывать. Но не вижу другого выхода. Короче, это часть общака. Если узнают, что им как-то не по назначению распорядились... атомный кирдык будет. И мне, и тому, кто бабки дал.

– Тот, кто тебе их дал, это ограбление и провернул. Ты еще не понял? – надавил Иван.

– Да, – вынужденно согласился Василий, – судя по всему. Поехали разбираться.

Через час с небольшим, в основном ушедший на то, чтобы Клара замазала синяки и обновила тушь на ресницах, весь состав детективного агентства «Ф.Б.Р.» стоял перед дверью в подъезд одной из самых замызганных пятиэтажек, которые Иван когда-либо видел.

– В таких халупах живут бухгалтеры московской мафии? – с искренним удивлением спросил он Ложкина.

– Да какой там бухгалтер, – отмахнулся Васька. – Тут просто точка, в которой оседает районный бабос. Потом его дальше переправляют – более серьезным людям. Сопля – бухгалтер, гыыы, – скажешь тоже!

«Соплей» Василий (и другие криминальные элементы района) называл своего старого асоциального товарища, согласившегося проспонсировать Кларины материнские чувства.

– Он у меня как-то полгода на хате тусовался, пока дело по нему не закрыли. Так что был должен, – объяснил Ложкин свои отношения с подозреваемым в ограблении.

Троица вошла в подъезд и на первом же этаже, по знаку Ложкина, остановилась перед дверью с номером 3.

– Как будем действовать? – прошептал Иван. – Попробуем выбить дверь и ворваться?

– Вообще, она бронированная, если что, – так же шепотом ответил ему Василий. – Тут же кто только не ходит. И торчки, и барыги, и блатные, и отможенные. Не говоря про ментов. Но именно им «спасибо», кстати. Тут недавно СОБР был, поэтому сейчас вообще не заперто. Помоги?

И Ложкин, не без помощи Ивана, просто взял и переставил тяжелую бронированную дверь в сторону, тем самым открыв проход в квартиру.

– Они тут все двери поносили, так что добро пожаловать, – подмигнул Васька Кларе и неожиданно для всех громко прокричал: – Привет, Сопля! Принимай гостей!

Появившийся на крик худосочный парень, лет 25-ти, по-домашнему одетый в мятую майку с короткими рукавами и застиранные спортивные штаны, не успел даже удивиться. Василий, имевший навыки чемпиона микрорайона по кикбоксингу, смачно прописал ему четкий удар кулаком в лоб.

Сопля немедленно стек на пол.

– Берите за руки, за ноги, – скомандовал Ложкин Ивану с Кларой. – Несем на кухню. Водичкой побрызгаем, очухается. Я его не сильно.

– Подождите, – засомневался в целом законопослушный Черешнин. – Нельзя же так!

– Можно, – жестко отрезала Клара. – Смотри!

На крючке для одежды в прихожей висела черная куртка. Крыть Ивану было нечем.

Через несколько минут на неаккуратной, заставленной грязной посудой кухне сборщика криминальных районных податей, состоялся допрос ее связанного по рукам и ногам хозяина.

«Колоться» Сопля отказывался начисто.

– Ложкарь, ты чо? Ты больной? – кричал он на Ложкина. – Кого ты сюда привел?

– Ты проследил за бабками и ограбил Клару! – не слушая претензий, гнул Василий. – Где деньги? Говори, и тогда ничего тебе не будет. Они срочно нужны.

– Да, бляха, ты сам подумай! Зачем мне это? – взывал Сопля к логике. – Я же и так сам себя подставил, когда в общак лапу сунул. Если об этом просто узнают, мне в тот же момент башню снесут. Какой мне смысл тебя кидать? На долги натягивать? Нахера? Я что блатной?

Пока Васька думал над ответом, из тени вышла Клара

– А куртка? – она ткнула в физиономию Сопли курткой из прихожей.

– Что куртка? – не понял он.

– Твоя?

– Ну моя! И что?

– Ты в ней был, когда меня грабил. Я запомнила!

– У меня одного в Москве такая? – Сопля закипел от возмущения. И тут до него дошло еще кое-что. – Васька, подожди... Я правильно вкурил? Денег теперь нет? Ты же клялся вернуть, гнида!.. Все... Нам жопа с тобой. Нас уроют.

Пока Сопля выяснял с Ложкиным, кто кому сколько должен, Иван шепотом уточнил у Клары:

– Это точно та куртка?

– Да кто ее знает, – ответила Клара честно. – Но черная же?

– А как в сумке оказался трекер? – продолжал гнуть Василий. – Если это не ты?

– Открой шкаф в коридоре, – попросил Сопля. – Верхнюю полку.

Иван сделал то, что просил хозяин, и на него сверху упали четыре точно таких же сумки. В недоумении он уставился на Соплю.

– Они все с трекерами – проверь, – предложил тот. – Когда курьеров с грузом отправляют, им всегда подвешивают. Для спокойствия, чтобы знать, что не забегают, куда не надо. Никто за вами не следил. Я – точно!

В сумках и вправду оказались точно такие же трекары – вшитые в то же место, что и в сумке, которую принес Ложкин.

– Похоже, Васькина Сопля правду говорит. Вряд ли это он, – Иван сказал то, что думает.

– Да я и сама вижу, – с досадой согласилась Клара.

– Ложкарь, ищи бабки, где хочешь! Я из-за тебя в лес в багажнике не поеду! – Сопля, поняв, что подозрения сняты, перешел в атаку.

– Спокойно, – Иван вклинился в разговор. – Давайте вместе подумаем. Как тебя зовут?

По нормальному?

– Алексей, – ответил Сопля.

– Леш, мог кто-то видеть, как ты передавал деньги Василию?

– Ложкарю?

– Ему.

– Нет. Я ему их тут, прямо на кухне сунул. Пересчитали вместе, чтобы все было честно.

И он двинул.

– Но ведь в квартире еще кто-то живет? Судя по количеству немытой посуды, ты или сверхнепритязательный в хозяйстве парень, или тут еще кто-то ест. Вон, три коробки из-под пиццы, все вчерашние. Ты же не один их оприходовал?

– Ну да, нас тут трое вообще, – признал Сопля. – Валерики еще.

– Кто? – переспросил Иван.

– Родственники троюродные. Братья. Впустил перекантоваться на пару дней, они уже полгода тут. Но они это... – Сопля скривил рожу и отрицательно помотал головой. – Сидят в своей комнате, не вылезают. Всегда или под кайфом, или в приставку рубятся. Убитки. Сами видите, мы тут полчаса орем, они даже носа не высунули.

– Придется с ними познакомиться, Алексей. Проводишь?

С этими словами Иван развязал Сопле руки. В ответ хозяин благодарно кивнул – роль доброго полицейского Черешнину явно удалась.

Под руководством хозяина вся компания проследовала сначала обратно в прихожую, а из нее – в проходную комнату. В которой располагался большой общий диван и огромных размеров плазма – в нее, видимо, по вечерам втыкало все криминальное семейство. Больше из мебели там ничего не было – кроме древнего полурассохшегося трюмо с заляпанным зеркалом, стоявшего рядом с диваном.

Из проходной комнаты можно было попасть еще в две – личную Сопливую и в апартаменты Валериков.

– А что со всеми дверями-то? – обратил внимание Иван на то, что как таковые двери в доме хоть и были, но все были сорваны с петель и стояли, прислоненными к стенкам, рядом с косяками.

– Менты не только входную вышибли, остальные тоже, – объяснил Сопля. – Комнаты осматривали. Повезло, что в тот раз ничего из того, чем Валерики закидываются, не было. Сейчас бы хата без хозяина стояла...

В комнате Валериков царил еще больший беспорядок, чем на кухне и в квартире в целом. Густо пахло травой и отсутствием гигиены. Упаковки из-под дешевой пищи, чипсов, готовых бутербродов, пустые пластиковые бутылки из-под колы и спрайта, обертки шоколадок и печений валялись на полу полуметровым бескультурным слоем, вперемешку с разнообразной, вряд ли недавно стираной одеждой и другими личными вещами Валериков. Посередине мусорного

хаоса сидел один из его создателей. С наушниками на голове он играл в какую-то компьютерную игру, не замечая ничего, что происходит вокруг. В том числе и того, что в комнате появились «гости».

– Видите, – сказал Сопля. – И так каждый день.

– А где второй? – спросил Иван. – Погребен под мусором?

– Сейчас узнаем, – пообещал Сопля и постучал Валерика по макушке. – Эй, привет! Валерик, как дела?

Поставив игру на паузу, Валерик повернулся, снизу вверх смотря мутными, отсутствующими глазами на приютившего его родственника.

– А? – это было все из букв, что удалось Валерику из себя выдавить.

– Понятно, – оценив зрачки родственника, которые по размеру были меньше типографской точки, Сопля констатировал, как специалист: – Нашли где-то.

– Спроси у него, где брат.

Следующие десять минут Сопля пытался получить ответ на этот вопрос, в самых разных вариантах пытаясь достучаться до пребывавшего по ту сторону сознания наркомана. Безуспешно. Пришлось ограничиться собственной версией.

– Я думаю, он за чипсами попер, – предположил Сопля про второго Валерика. – Они ж тут и жрут, и срут, сами видите. Надо ждать, скоро вернется.

Черешнин тем временем походил по квартире, заглядывая в самые разные ее углы. Что не совсем нравилось хозяину, но с этим он был вынужден смириться. Иван осмотрел большую комнату. Долго пялился в выключенную плазму. Найдя пульт, зачем-то включил ее и пощелкал каналами. Потом, словно ледокол, прошел через мусорные завалы комнаты Валериков, присел, не брезгуя, на их кровать. После чего вышел в коридор и продолжил возиться уже там. Наконец, вернулся к остальным.

– Васька? А когда Сопля... когда Алексей... тебе деньги отсчитывал, эти Валерики где были?

– Понятия не имею. Я вообще про них не знал, – ответил Ложкин.

– Да тут и были, – ответил за него Сопля. – Где еще?

– Понятно, – Иван потер руки и неожиданно предложил. – Идите все на кухню. Я сейчас вам фокус покажу.

Пожав плечами, вся компания, кроме Черешнина, проследовала на место первоначального допроса Сопли.

– Идите, идите. В этом и фокус! – проводил всех из комнаты Валериков Иван.

Как только они разместились на кухне, у Ложкина зазвонил телефон.

– Не понял? – Васька уставился на высветившийся контакт. – Алло? И в чем фокус, великий детектив? Освоил быстрый набор?

– Ага, и еще кое-что, – ответил голос Ивана в трубке. – Поставь на громкую связь.

Василий повиновался.

– А теперь покажи сколько-нибудь пальцев. Сколько хочешь.

– Чего?

– Просто покажи.

Ложкин поднял вверх рок-н-рольную козу, с оттопыренным большим пальцем.

– Ну.

– Три, – уверенно сказал Иван. – Можешь поменять.

Василий поменял комбинацию, используя обе руки.

– Семь, – безупречно точно ответил Иван. – Как тебе фокус?

– Тут что, где-то камера? – все начали озираться, и больше всех Сопля.

– Не ищите. Все намного проще.

Иван с телефоном в руке вошел на кухню.

– От куска стекла, оставшегося в двери из коридора в большую комнату, свет отражается и падает на плазму. От нее он идет на трюмо за диваном. А трюмо прекрасно видно из комнаты Валериков. Вуа, как говорится, ля!

Все молчали, переваривая услышанное.

– Что? – переспросил на всякий случай хозяин квартиры, не будучи уверенным в переваренном.

– Когда телик в большой комнате выключен, у Валериков прямая трансляция того, что происходит на кухне, – пояснил Иван. – Не, ахти, какого качества, но пачки денег рассмотреть, думаю, можно. Черная куртка у Валерика есть?

– Да он мою все время берет. Вот сука... – до Сопли стало доходить.

– А где он взял пистолет? – спросила Клара.

– Пистолет!.. – Сопля кинулся к кухонному подоконнику, который, оказалось, легко снимается. Под ним оказалась пустая ниша. – Нет пистолета! И его спер, падла!

Виновный в ограблении был, наконец, установлен. Дело было за малым – найти его, пока он не просадил все деньги на траву, таблетки и более тяжелые прелести богатого на варианты московского рынка кайфа.

Иван предложил связаться с Гулярой, но против этого высказались все категорически. Не только, что легко можно было понять, Ложкин с Соплей, но даже Клара.

– Ну найдет его полиция, – сказала она. – А как потом эти деньги использовать? Заберут же, как вещдоки.

И тут все услышали, как кто-то, пыхтя, переставляет бронированную дверь, чтобы зайти в квартиру. На пороге кухни остановился мутноглазый, заросший волосами субъект с двумя большими пакетами из супермаркета.

– Привет, Валерик, – выдвинулась вперед маленькая Клара. – К тебе масса интересных вопросов.

Глава 13. Погоня за Валериком

На короткие дистанции в беге с наркоманами «под допингом» посоревноваться могут не многие. Это стало понятно сразу, как только Валерик номер два, побросав пакеты с едой на пол коридора, сорвался к выходу из подъезда.

– Чем он у тебя колется? Мельдонием? – через минуту на бегу задал вопрос Сопле запыхавшийся Иван, как и все прочие принимавший участие в забеге.

Сопля не ответил, берег дышалку.

Валерик понимал, что стайерские расстояния не его конек, и, если не удастся стряхнуть погоню на ближайших метрах, придется позорно сдаваться. Поэтому старался изо всех сил. Петляя по дворовым кустам, он вбежал в соседний двор, стремительно промчался через его детскую площадку и, забежав за угол, перемахнул через дощатый забор частного участка, примыкавшего к улице. Там его и покинули силы. Беглец затаился в зарослях того, что по осени остается от городской сирени, вытянувшись ничком среди корней. Ход был гроссмейстерским – никто из преследователей этого маневра из-за угла увидеть не мог. Оставалось всего лишь переждать погоню.

– Куда он подевался? – в ярости рычал Ложкин, безуспешно высматривая Валерика на совершенно пустой улице.

Прибывшие с небольшим опозданием Клара и Иван с Соплей, согнувшись в три погибели, уперев руки в колени, пытались отдышаться. Разочарование и досада от того, насколько была близка упущенная теперь добыча, терзали каждого.

Но вдруг рядом, за забором, заливисто залаяла собака. Затем лай перешел в зловещий утробный рык – и продолжился человеческой речью:

– Ай! Пусти, сука! Пусти! Фу!

Через мгновение прямо в руки Ложкина, Ивана, Клары и Сопли с высоты двухметрового забора свалился вожделенный Валерик.

Для допроса наркомана отвели на ту самую детскую площадку – в соседнем дворе. Клара и Иван уселись на низенькую родительскую скамеечку, Сопля залез на качели, а Ложкин остался стоять, крепко держа за шиворот пойманного грабителя.

Первым вопрос задал Сопля, начав с самого главного:

– Где деньги, утырок? Гони!

Шмыгнув носом, Валерик кивнул и поспешно вынул из карманов сложенные в свернутую пополам пачку купюры. Деньги он протянул Сопле, но их тут же перехватила вскочившая со скамейки Клара. С тревогой на лице, она пересчитывала сумму в пачке, уже понимая, что денег там намного меньше, чем было похищено.

– Где остальное? – не преставая считать, бросила она Валерику. – Быстро!

Ложкин встряхнул наркомана, слегка приподняв его над землей.

– Потратил, – Валерик закрылся руками, ожидая, что его будут бить. – Я верну!

– Как потратил? Когда ты успел? Не гони! – подал с качелей голос Сопля.

– Да я не гоню, – Валерик стоял на своем.

Он порылся в кармане толстовки и вынул оттуда завернутые в полиэтиленовый пакет таблетки и несколько чеков с порошком.

– Вот, взял пару доз. Брату одну дал и пошел жратвы купить. Чтобы под кайфом потом не переться.

– Ты за кого нас держишь! – зашипел на Валерика компетентный Ложкин. – На эти бабки двести раз можно было столько купить! Где лавэ?

Васька еще раз встряхнул наркомана – так, что после этого тот осел на песок, прямо Ложкину под ноги.

– Я не понимаю, чего вы хотите, – плаксиво заканючил Валерик. – Я же все отдал...
– Ты мне еще за это ответишь! – Клара показала на свою рану на лбу и замахнулась на наркомана миниатюрным кулачком.

– Клара, не надо, – попросил Иван. – Слушай, отдай деньги по-хорошему, – обратился он в свою очередь к наркоману, сурово насупив брови.

Но Валерик вместо страха, похоже, больше испытывал удивление.

– Леха, кто это? – спросил он Соплю про Клару и Ивана. – Что им от меня надо?

– Вот же тварь ты такая, – с презрением произнесла Клара. – Ограбил, чуть не убил и еще не узнаешь?

– Кого ограбил? Кого убил? – Валерик изображал изумление очень убедительно. Или не изображал. – Вы что? Не грабил я никого!

– Да? А чего побежал? – спросил Иван саркастически, предполагая, что на это Валерику ответить нечем.

– Потому что увидел подоконник вскрытый, – ответил Валерик. – Я же оттуда вольну попер. Думал, вы за нее и предъявляете. А что, нет?

– За нее тоже! – сказал Сопля.

– Я ее на точке слил, – продолжил Валерик. – Лех, я потом выкуплю, гадом буду! Там не много. Вообще, думал, за «Макарова» больше дадут...

– То есть ты из-за пистолета побежал? – спросил уже Ложкин. – И все? А сумка с деньгами?

– Какая еще сумка? – возмутился Валерик. – Вы на мое место себя поставьте? Несу домой пайку, а на кухне – толпа народа, стоит над нычкой, откуда я только что ствол подсек. Морды у всех злющие, а баба с бланшем – вообще зверь! – Валерик кивнул на Клару. – Она на меня как глянула – я сразу понял, лучше ноги сделать. Бегаю-то я неплохо. Только недолго.

– То есть ты не видел ничего? – спросил Ложкин.

– Чего «ничего»? – не понял снова Валерик.

– Как Сопля мне деньги передавал?

– Да вы о чем? – Валерик запутался окончательно. – Дайте, я хоть приму что-нибудь, вы мне башню сейчас взорвете...

Валерик протянул руку к таблеткам.

– Ага, сейчас! – ответил Ложкин, сунув колеса в карман.

– Пистолет Макарова? – переспросила вдруг Клара каким-то бесцветным голосом.

– Ну да, – подтвердил Сопля. – И обойма.

– Это не он, – голос Клары из бесцветного стал безнадежным. – У того револьвер был. Так что... дайте ему поджопник и отпускайте. Все, это конец.

Ложкин педантично выполнил Кларину просьбу в отношении Валерика, а Сопля повел его домой, продолжить семейную разборку без лишних свидетелей. По поводу новостей насчет похищенных денег, Ложкин пообещал держать его в курсе.

Клара, по внешнему виду, была готова снова разрыдаться, а Василий – вновь предоставить ей для этого свои утешительные, товарищеские объятия. Иван скрипел мозгами в одиночку.

– Это конец. Заседание – завтра. Сына у меня отберут, – произнесла Клара. – Вась, насчет денег ты не беспокойся. Тебе когда надо вернуть?

– Три недели мы договаривались.

– За это время что-нибудь придумается. Все будет, не бойся.

– Да я не боюсь, – ответил участливый Ложкин. – Ты сама не переживай так. Он же все равно твой сын, любит тебя. Им и останется. Потом как-нибудь договоритесь. Может, без адвокатов будет лучше даже...

Иван вскочил с качелей.

- Поехали.
- Куда? – спросила Клара.
- К твоему адвокату. Есть еще один вариант, который мы упустили.

Глава 14. Адвокат Генриетта

Хотите верьте, хотите нет – но московский адвокат Генриетта Максимовна Ляпко была хорошим человеком.

Своей клиентке Кларе Красовской она сочувствовала совершенно искренне, переживая за ее и Кирилла судьбы, как за свою собственную. У Генриетты было много с ней общего: она так же в одиночку воспитывала сына – правда, по несколько другой причине.

Отец ребенка, муж Генриетты, на данный момент сидел в тюрьме. Как и брат мужа. Как и свекор. Как и ее собственный брат – и множество других родственников, которых не выбирают. А жаль. Гены «сидельцев» исторически присутствовали в каждом представителе старинного рода фон Ляпке (так по-немецки звучала фамилия Генриетты Максимовны). Кто-нибудь в их семье сидел всегда – начиная с елизаветинских времен и кончая 21-м веком. Кражи, грабежи, разбой, взяточничество, дезертирство, бродяжничество, проституция, воровство и мошенничество. Покопавшись, можно было найти Ляпко на любой вкус, если не среди каторжных, так среди ссыльных. От политических, как в случае с народовольцем-Ляпко, помогавшем готовить бомбу для царя, до чистой уголовки – когда в трактирной драке пьяный Ляпко-приказчик зарезал подвернувшегося под горячую руку бедолагу-купчонка.

В новейшей истории экстравагантного семейного проклятья было также немало криминального. В 90-е там были посадки за операции с фальшивыми авизо и мошенничества с недвижимостью, закончившиеся тюрьмой для маминого брата. А также перепродажа на Кавказ угнанных в Москве автомобилей – за это мотали срок родной брат Генриетты вместе с ее же племянниками.

На ней это проклятье прервется! – решила наивная девушка в нулевых и подала документы на юрфак.

Закончила она его, кстати, с отличием.

Но неумолимые жернова судьбы на это, как говорится, начхать хотели. И намолоти ей лихого красавца, в которого Генриетта втюрилась, забыв про всякую осторожность. Красавец же оказался фруктом и гусем лапчатым. И сел на скамью подсудимых спустя месяц после их свадьбы – за участие в траффике и торговле специфическими «среднеазиатскими травами», более известными как анаша и гашиш. В чем, до кучи, оказались замешаны почти все родственники красавца – от отца до троюродной тети.

Развод Генриетта оформила немедленно, но в целом вопрос родового проклятья это уже не решало: примерно в же это время за автомобильную кражу сел ее только что освободившийся старший брат, а за казенную растрату – дядя по материнской линии.

Оборвав все контакты с юридически гнилыми родственниками, Генриетта, не оставив никому адреса, переехала в новую квартиру, где устроила себе свой личный законопослушный «скит» – вдалеке от всей своей проблемной родни. Естественно, перевезла она туда и своего сына Артема – дабы воспитать его по собственному образу и подобию, оградив от дурных наследственных примеров.

За время, которое Генриетта вела дело «Красовская против Красовского», они успели по-настоящему подружиться семьями. Не раз Клара бывала у нее дома, привозила к ней в гости Кирилла или заезжала покормить Артема, когда у самой Генриетты не получалось этого сделать в связи с адвокатской занятостью.

Настроение перед судом было боевое. Клара сказала, что нашла деньги, а, значит, борьба, как минимум, продолжится. А то и удастся договориться о каком-нибудь, устраивающем всех, компромиссе. В любом случае, это уже была позиция, с которой можно было начинать оказывать напористому мужу Клары хоть какое-то сопротивление.

– Деньги привезут к одиннадцати. На дорогу заложим часа полтора. Получается, в районе часа, в банке? — уточняла Генриетта у Клары по телефону планировку дня. – Могу заехать за тобой в агентство, мне же по пути. Ну, как хочешь. Паспорт не забудь. Целую. Все получится!

Передав собирающемуся ко второму уроку сыну «привет от тети Клары», Генриетта отправилась в офис, в котором до встречи в банке хотела успеть еще что-нибудь сделать из бумажной работы.

Как известно, поездка в банк не состоялась. Клара позвонила и, не вдаваясь в детали, отменила ее еще перед выездом к Сопле, сказав, что перезвонит и объяснит все позже.

Обрадовавшись незапланированному свободному времени (все остальное к завтрашнему суду было готово) Генриетта решила провести его с сыном. Но на звонки он не отвечал. Наверняка, болтался где-то с приятелями или сидел дома у соседского дружка Сергея. Генриетта решила дожидаться сына дома – вдруг заскочит пообедать. Отправив Кларе смс: «Если что, я дома», Генриетта покинула свой офис.

К удивлению адвокатессы, у подъезда родного дома ее ждал знакомый ей «дэо-матис», на котором к ней не раз заезжала Красовская.

Из машины вместе с Кларой вылезли два парня. Один – довольно опасного вида, рыжий, крепкий, в спортивном костюме. Другой – более интеллигентный – его Генриетта, кажется, видела у Клары в агентстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.